

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 1 (100) 2015
январь — февраль

Тема номера:
КАКАЯ ОНА, ДОРОГА К БОГУ?

- **Тарковские: династия продолжается**
- **на родине великого драматурга**
- **свет фресок Дионисия**

МЫ ЖИВЕМ В ОСОБЕННОЕ ВРЕМЯ

С протоиереем Артемием Владимировым читатели «Лампады» встречаются не впервые. И не только на страницах журнала. Его имя – как автора – на обложке доброго десятка книг. Начиная с первой, «Уроков жизни», и кончая вышедшей совсем недавно – «Мой университет». А между ними – и «Моя первая исповедь», и «Семь слов о Таинствах Матери Церкви», и «С высоты птичьего полета»... всего не перечислить. Между ними – служение в храме, стихи, проповеди, творческие вечера, поездки по стране и встречи с самыми разными людьми. Сегодня с отцом Артемием мы беседуем о главной теме номера.

Павел Демидов

– Как вы считаете: люди удаляются от Бога?

– Большинству читателей нашего журнала известно греческое слово *апостасия* – отступление, удаление от Бога. Сам Спаситель вопрошал Своих учеников: придя, найдет ли Он веру на земле? (см. Лк. 18:8). Апостол Павел дал исчерпывающую нравственную характеристику человечества последних времен: «...люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоязычны, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отречшиеся» (2 Тим. 3:2–5).

Но любые обобщения погрешительны, и из этих печальных прозрений вовсе не следует, что все мы обречены на скольжение по наклонной плоскости. Не следует, что та или иная эпоха не может явить противоположного апостасии процесса духовного возрождения. Вспомним конец 80-х годов двадцатого века – тысячелетие Крещения Руси, большой приток людей в лоно Церкви, как только спали шоры государственного атеизма. И сегодня в России не истончается духовный пласт – созидаются обители и приходы, появляются новые епархии, христианское просвещение охватывает все структуры общества. Наш министр иностранных дел открыто говорит: нас не любят потому, что мы придерживаемся библейских, нравственных основ бытия. Вдумайтесь в эти слова.

– Но реальность не всегда подтверждает правоту этого утверждения.

– Потому что всегда были, есть и будут люди, которые в широком потоке плывут по течению. Русская пословица гласит, что по течению плывет только мертвая рыба. Есть немало душ, которые идут против течения, как подымается на нерест лосось или семга, чтобы дать новую жизнь.

Корабль Отечества разворачивается сегодня в нужную сторону. Мы осмысливаем свою историю, начинаем понимать, что западным аршином не измерить нашу Родину, ее особенную стать, и без веры во Христа, без веры в Его непреложные заповеди невозможно обустроить нашу землю. С другой стороны, мы видим, как изжившая себя демократия (в данном случае я имею в виду даже не политическую структуру общества, а те ценности, которые она провозглашает) разлагает не утвержденные в добре души.

– Почему же Господь попускает это? Вопрос возникает не только у меня – у очень многих.

– Господь, как вы знаете, почтил людей самовластием. Основной признак образа Божия в нас – свобода выбора. Возможность склонить свое произволение вправо или влево – отличительная черта человека. И нужно беречь этот дар и употреблять его по назначению – для созидания, а не для разрушения себя и мира вокруг.

– И все же: почему множится в мире зло?

– Призывая человека к единению с Собой, открывая ему Свою волю через совесть, через Священное Писание, через Церковь, Бог при этом не неволяет Свое создание. Он попускает зло в определенных пределах, очерченных Его всемогуществом и премудростью. Более того, человеческие согрешения, зло, проистекающее от них, Господь

Фотопортрет отца Артемия исполнил священник Алексей Харламов

обращает к благим последствиям для судеб людских. Он попускает зло еще и для того, чтобы каждый из нас мог утвердиться в добре.

– Как это?

– Чтобы, будучи испытанными, как золото в горниле, мы оказались достойными Его – утвердились в сыновстве Богу, в родстве с Ним, через исполнение Его воли, вопреки тем соблазнам, которыми пытаются нас пленить и, так сказать, выбить из седла. Усердному христианину все эти препоны служат во спасение.

– Когда мы говорим: «попускает», не значит ли это то же, что «благословляет»?

– Нет, не значит, потому что Божие благословение относится к Его созидательной воле, к действию Божественной благодати. Попущение же относится к воле человеческой, направленной на разрушение. Бог попустил по Ему ведомым причинам разорение политического образования под названием Украина. Последствия – вытравление собственного духовного кода, своей идентичности, уничтожение в себе славянского начала, отторжение себя от традиций Православия, добровольное рабство либеральным западным «ценностям».

– Господь видел, что это зреет. Не мог не видеть. И словно бы сказал:

хорошо, вы к этому стремитесь – вы это получите. Так?

– Так. И мы знаем из истории, что всякий раз Господь вразумлял православных славян, и в частности русский народ, руками тех, перед кем они раболепствовали. Так было в 1812 году, когда офранцузившееся светское общество России увидело чудовище Буонапарте с двенадцатью языками и поняло, какую гадюку вырастило на собственной груди. Так произошло и сейчас с «цветными революциями» и импортированными путчами.

– Можно ли сказать, что инстинкт самосохранения, которым наделил человека Господь, имеет две составляющие: духовное и физическое самосохранение? И что наши праотцы, согрешив, лишили себя и всех нас первой составляющей – того духовного щита, которым мы охраняли бы наши души?

– Святые отцы утверждают, что первый человек, сотворенный невинным и безгрешным – но свободным! – мог уклониться от соблазна. Что он предпочел – известно. И вкусил смерть, сначала духовную, потом физическую. Мы получили в наследство от Адама наше нынешнее бренное телесное естество. В него вложен инстинкт самосохранения, который нужно беречь и не ослаблять безнравственными поступками. Говорят, что если бы мы не имели нашего тяжелого тела, которое иногда, как нам кажется, пригибает нас к земле, то демоны сразу же обольстили бы и погубили человеческую душу.

– То есть здесь действует обычный физический фактор?

– Именно физический. А тело закрывает нас от бесплотных духов, которые пытаются воздействовать на наше сознание, обольщать нас. Тело служит для них завесой, почему христианство считает преступными и опасными методики, задача которых – лишить человека духовного и физического инстинктов самосохранения, сделать его душу открытой демонам. Родина этих методик – по преимуществу безблагодатный Восток (например, йогическая система). Позднейшие европейские ереси: штейнерианство, антропософия, теософия – словом, вся гремучая смесь оккультизма отличается от своих пред-

шественников разве что инструментарием, но никак не конечными целями. Несчастный «естествоиспытатель» не будет догадываться, в чьих лапах он оказался. Слепленный гордыней, которая убеждает его, что он общается со светлыми силами, «выходит в астрал», господствует над своим телом, достигает самореализации через свои «чакры», с помощью дремлющей в нем «энергии кундалины», он уже видит себя «космическим гуманоидом», «пришельцем», хотя в действительности, выйдя из-под спасительного покровца Матери Церкви, попадает в бесовские объятия.

– Мрачная картина.

– Она была бы таковой без Господа Иисуса Христа. С Его приходом человек вновь обрел полноту благодатной защиты в Таинствах Матери Церкви.

– И теперь ему ничто не грозит?

– Если христианин соблюдает законы духовной брани, подвизается именно так, как учит его Мать Церковь, с помощью апостольского, святоотеческого учения, он становится победителем собственных страстей и уже на земле обретает вечную жизнь через очищение и освящение своего естества Божественными энергиями. Потому так важно просвещать наших детей и прежде всего увещевать их беречь дар жизни, не наносить вред своему телу, хранить как зеницу ока чистоту души и не подтачивать жизненные силы, не разрушать естественную ограду – инстинкт самосохранения, помрачая ум алкоголем, наркотиками, курением, блудными грехами, и ни в коем случае не вступать в общение с падшими духами чрез оккультные учения, совершенно противоположные христианской философии.

– Как вы считаете, людям еще не поздно одуматься, как благо разумному разбойнику? Что этому мешает?

– *Dum spiro spero* – пока дышу, надеюсь, говорили древние. Если душа еще в теле, торжище не закрылось, если базар еще принимает торговцев, говоря евангельскими словами, нам всегда дается возможность сбросить с себя бремя грехов, подтвердив обеты Крещения благочестивой жизнью, стать друзьями Христовыми. Завтрашнего дня Бог нам не обещал, но дарует покаяние сегодня – всем, кто только ни возжелает обратиться от тьмы к свету,

от зла к добру... И образ благо разумного разбойника вдохновляет нас так же, как и образ блудного сына, вознамерившегося возвратиться в Отчий дом. По свидетельству Ветхого Завета, Господь помышляет о том, чтобы не отвергнуть и отверженного. Милость Его беспредельна, благодать – неистощима. Нет предела Его милующей любви, а значит, никто не вправе впадать в уныние, бросив среди поля боя щит и меч. И всякий, кто только ни обернется к Распятию, кто только ни прострет к Спасителю руки со словами: «Господи, прости меня и помилуй!», тотчас получит просимое – Божественную помощь и содействие в борьбе с грехом, будет прощен, помилован и освящен.

– Вы произнесли очень важные слова о том, что никто не вправе впадать в грех уныния. Можно ли сказать, что грех уныния – это не просто большой грех, но величайший, сродни чуть ли не смертному греху? Ведь, по сути, это значит – противиться Промыслу Божию.

– Разумеется, поскольку от нашего согласия зависит многое... Что мешает нам покончить с этим грехом? Конечно, наше прокаженное человеческое «я», «эго». Гордыня, которая препятствует в полной мере ощутить зависимость от Господа, которая убеждает нас, что мы что-то можем сами, что мы – хозяева положения. Человек, не смирившийся перед Иисусом Христом, будет казним собственной гордыней, забывая, что без помощи Божией мы – всего лишь колоссы на глиняных ногах. Как же тут не взяться и отчаянию, и унынию? А если гордыня совершенно помрачила ум, иной может быть заживо съеден «антоновым огнем» отчаяния. Таким, скажем, был Вольтер, известный «энциклопедист», ниспровергатель всех и всяческих устоев, эдакий постмодернист своего времени, который попытался развенчать даже образ Орлеанской девственницы Жанны д'Арк, любимой героини французского народа. Видимо, для него не было ничего святого. Не случайно столь страшной была его смерть, когда он, охваченный отчаянием и безумием, требовал все больше и больше канделябров, свечей в залу, где он лежал, потому что вечная ночь уже застила ему очи. Все – в полном соответствии со словами Свя-

щенного Писания: «Смерть грешников люта...» (Пс. 33:22).

– **Вашу убежденность в том, что Россия и дальше будет идти путем духовного возрождения, разделяют, увы, не все. Но положи руку на сердце: реально ли возрождение и укрепление веры «в одной, отдельно взятой стране»?**

– Безусловно, реально. Если оно реально в отдельно взятой душе... Перед Господом нет массы – есть личности, составляющие собор кающихся грешников, покаявшихся праведников. И как одна душа может восстать с колен и обрести милость и прощение в объятиях Небесного Отца, так – и целая страна... Хочется верить, что наша Россия во мглу евроинтеграции уже не канет. Но существуют и другие опасности. Едва ли не самое серьезное искушение для нации: осознав свою инаковость, свое духовное первородство, миссию в верности евангельским предначертаниям, своему собственному пути, – взрастить при этом в себе чувство исключительности и, как результат, вседозволенности. За примером далеко ходить не надо – Америка перед нашими глазами.

Нас ждут немалые испытания. Выдержать их – это и есть выражение нашей приверженности ко Христу и Его закону посреди отступающего от заветов Спасителя богоборного человечества. И именно этим мы послужим как Азии, так и Европе и прочим континентам, помогая всем тем разумным людям, которые стонут сегодня под гнетом антихристианских, либеральных тенденций.

– **Вы чувствуете искреннее стремление людей к возрождению веры?**

– Как священник, не просто чувствую, но наблюдаю ежедневно. Люди приходят в храм, выстаивают по несколько часов ради возможности раскрыть свое сердце у Креста и Евангелия, ради драгоценной минуты общения с пастырем, желая покаяться в грехах. Это очень обнадеживает. А отношение к слову пастыря?! Мне много приходится ездить по России, и одно из самых удивительных наблюдений – мера восприятия духовного слова. Видишь, с какой радостью, с какой жадностью оно приемлется, как люди преображаются, оживают под его воздействием, и убеждаешься: мы живем

в особенное время. Господь всем дает возможность воспринять семена веры и стать на путь очищения и спасения души, а люди идут к Нему навстречу.

– **Можно сказать, что в какой-то социальной среде это наблюдается сильнее или слабее?**

– Думается, что в любой среде мы обретем созидателей и разрушителей... Нам довелось быть современниками не такого уж давнего исторического казуса. Так называемое просвещенное прозападное сословие, как безумное, раскачивало нашу государственность, стремилось обрушить историческую Россию, но в итоге привело в беспорядок собственные души, променяв стройную картину христианского мирозерцания на эклектичный коллаж либерального, антицерковного образа мысли. Сейчас, слава Богу, мы видим противоположное. Мыслящее сословие – интеллигенция техническая, творческая, гуманитарии, представители политического мира – тянется к Церкви Божией. И не обращает внимания на соблазны и нестроения, которые имеют место в церковной среде, твердо усвоив главное – что Христово учение остается непогрешительным, а Таинства Церкви – не запятанными никакими немощами ее служителей.

Не возьму на себя смелость судить о степенях воцерковленности той или иной страты российского общества. Куда важнее другое: Православная вера, этот питательный раствор, медленно, но верно проникает во все поры нашего общества.

– **Наша реальность очень контрастна. Одни живут, мягко говоря, весьма скромно, и таких немало. Другие... Мы хорошо знаем, как живет «другим». Евангелие не устарело, и богатому по-прежнему так же трудно войти в Царство Небесное?**

– Вы прекрасно понимаете, что Евангелие устареть не может. Над тем, что вечно, время не властно. Да, богатому и сегодня нелегко войти в Царство Божие...

– **Может быть, даже труднее, чем раньше?**

– Это зависит от конкретного человека. Богатство часто портит людей, и портит кардинально. Великое богатство – в особенности. Не всякому дано устоять пред соблазном роскошество-

вания. Нам приходится только мечтать о возрождении купеческого сословия или фабрикантов, которые, наживая честным трудом огромные состояния, оставались при этом верными чадами Церкви. Как, например, преподобный Серафим Вырицкий или чета Абрикосовых, знаменитых кондитеров. Эта семья прославилась не только благотворительностью, созданием больниц, школ и приютов. Она вырастила и поставила на ноги семнадцать своих детей (еще пять, к сожалению, прожили недолго).

– **Возможно, тогда не было таких налогов. Шучу.**

– Тогда действовал налог, который я назвал бы налогом на совесть. Впрочем, не хочу обижать день сегодняшний. В городе Сургуте я недавно посетил три государственных школы и был очень впечатлен нравственным состоянием старшеклассников. Они сердечно внимали слову пастыря, я видел, как охотно и сосредоточенно они занимаются, им чужды легкомыслие и распушенность, которые наблюдаются в метрополиях. Сейчас действительно много зависит от пастырей, от педагогов, от тех, кто имеет доступ к массовой информации, ибо мы, учителя и просветители, примем великое осуждение, если данную нам возможность используем не для созидания нравственности, но для растления душ.

– **Помеха ли вере возраст?**

– Вспомним евангельскую притчу. Господь утешает учеников, говоря, что работник, пришедший в одиннадцатый час, принимает награду, равную награде тех, кто начал трудиться с первого часа. Это означает, что благая решимость, ревность по Богу, желание ученичествовать вознаграждаются действием Божественной благодати. Значит, должно благодарить Отца Небесного за Его милость, не сожалеть бесплодно о жизни, проведенной вне ограды Церкви. Если я обратился ко Христу в сей день, а не три дня назад, то только потому, что сегодня, а не ранее мое сердце соделалось способным услышать зов благодати. Так что возраст вере никак не помеха. Известно: молодость подвижнее старости. Поэтому человек, уверовавший во Христа в юном возрасте, очень быстро меняется, подчиняя чувства и мысли благому воз-

действию Церкви, впитывая, как губка, все новое. Человеку пожилому труднее изменить уклад жизни, и, привыкнув проводить с домашними воскресные утренние часы, он не сразу воспримет, что встречать праздничное утро нужно в Божием храме. Душа человеческая – без возраста, мы все – дети пред Господом, были бы решимость и усердие в исполнении воли Божией.

– Духовное возрождение – сегодня наиболее актуальная проблема. Не наивно ли считать, что преуспеть в этом можно через образование, культуру в самом широком ее проявлении, уделяя приоритетное внимание тем сторонам жизни, от которых зависит социальное самочувствие в обществе?

– Не только не наивно, но более чем очевидно. Причем такие, казалось бы, абстрактные понятия, как духовность, нравственность, в нашей христианской традиции имеют вполне конкретное наполнение. Что такое христианская нравственность? Это – мысль, обращенная к Богу, умение сохранить сердце от соблазнов, верность принципам, на которых зиждется наша вера.

– Вы уверены, что это понимают все?

– Все, у кого не изломана, не замутнена душа. Одни, самые счастливые, впитывают это с молоком матери, другие, если повезет, узнают в школе, и так далее. Все – от нянечки в детском саду до президента – понимают: необходимо вырастить человека сознательным гражданином, любящим свою Родину, просвещенным, культурным, черпающим нравственные силы из «преданий старины глубокой». Поэтому так тревожно сталкиваться с негативными тенденциями в образовательной системе. Тревожно становится за детей, если они не знают родного языка, не знают своих героев, не приобщены к великой отечественной литературе, не имеют систематического образования, которым всегда славилась Россия, не проявляют аналитических способностей и умения докапываться до сути, страдают поверхностными, отрывочными знаниями. А такое, к сожалению, не редкость.

Нет слов, важны и оборонная промышленность, и сельское хозяйство, но главная задача государства, я считаю, это восстановление системы образования,

область культуры и искусства. И прийти сюда должны люди высоконравственные, цельные, а не пораженные червоточинной постмодернизма. Чем скорее мы будем считать преступлением против народа охаивание или искажение своей истории, загрязнение языка ненормативной лексикой, нецензурщину; искажение классических произведений в театре под маркой «свободы творчества», что становится пропагандой растления, – тем быстрее нам дано будет вновь обрести стеновой хребет. Наше образование, наша культура исторически связаны с христианской нравственностью, и отделять друг от друга церковное и светское просто даже ненаучно.

– В нашей Церкви довольно много батюшек, прекрасно владеющих пером. Лично вы занимаетесь литературным трудом, поскольку верите, что этим можете воздействовать на человека, или из-за того, что, как говорится, «не могу не писать»?

– Свою первую книгу, «Учебник жизни», я написал по заказу светских педагогов. Ее одобрил Святейший Патриарх Алексий и отметило Министерство образования. Но я пишу не ради материального вознаграждения и не работаю «по найму». Просто появляется потребность выразить себя в слове. Ведь «...от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12:34). Нелепо утверждать, что дитя рождается для пополнения генофонда нации. Этот творческий акт происходит по закону природы и не без воли Божией. Так и создание литературного произведения – прежде всего творческий акт, который возможен, если только человек осознает, что призван служить на этом поприще. Кем призван? Конечно же, Господом Богом! А то, что свершается во славу Божию, должно делаться с чистой совестью – совестью, не связанной узами греха. К сожалению, далеко не все выдерживают искушение. Многие талантливые люди запятнали свою биографию, повредив Богом им данный талант, и потеряли уважение читателей. Зато Мандельштам, чье духовное становление пришлось на сложный Серебряный век, выше всего ценил в творчестве честность. Этот маленький человек, иногда жалкий в бытовых чудачествах, защищая свою поэтическую честь, нанес пощечину Алексею Толстому,

вершителю судеб пишущей братии, более того – написал стихотворение о терроре, за что заплатил жизнью. Такие жизненные траектории, как у Мандельштама, Цветаевой, не склонивших главу пред молохом безбожия, не могут не вызывать уважения и доброй памяти.

– Но сейчас, слава Богу, иное время. И писатели творят в иных условиях. Правы ли древние римляне, утверждавшие, что времена меняются и мы – вместе с ними?

– Правы. Но это не значит, что должны меняться базисные нравственные понятия. Не мораль должна зависеть от человека, но человек – от морали. Потому что заповеди даны нам Господом Богом.

– Трудно с таких высот спускаться на землю. И все же: как вы живете, когда в одной руке у вас крест, а в другой – перо?

– Я очень дорожу возможностью поделиться размышлениями со своими друзьями и с теми, кто, слыша мое слово или читая мои скромные прозаические и поэтические произведения, получает радость. Для меня это одна из сторон пастырской деятельности, потому что живое художественное слово, безусловно, имеет добрую власть над живой человеческой душой. Вижу, как люди, еще совсем далекие от Церкви, отзываются на слово, сошедшее с уст священника.

Сан сопряжен с великой нравственной ответственностью, и это очень помогает на литературном поприще, ибо слово священника обладает особым весом. Уже одно то, что вы держите в руках книжицу, написанную пастырем, во многом предопределяет отношение к ней читателей. Если читатель встречается с живым, исполненным смысла и достойно выраженным словом, часто свершается тайна просвещения души, происходит движение ее к свету.

– Каковы, на ваш взгляд, роль и место Русской Православной Церкви в этих процессах? Не следовало бы нашей Церкви быть более динамичной и гибкой, чтобы активнее откликаться на вызовы времени, разумеется, не в ущерб ортодоксии?

– Мы видим, насколько активен наш Патриарх. На вызовы современности он отвечает действенным словом

и в этом отношении является примером для священнослужителей и всех церковных структур. Активизировались миссионерское, катехизаторское служения, дела милосердия; приходы стали живыми клеточками церковного организма. В этом смысле, мне кажется, не так уж справедливы упреки в адрес Церкви и укору в пассивности. Сегодня многие пастыри расширяют свое служение, используя те творческие навыки, которые они усвоили еще до воцерковления. Недавно мы отмечали 60-летие иеромонаха Романа (Матюшина), чье творчество дало очень мощный импульс возрождению сотен тысяч людей. А что сказать о книге «Несвятые святые» отца Тихона (Шевкунова)! Он сам, может быть, не ожидал таких плодов от своих литературных занятий. Книга переведена на китайский, корейский, на язык басков, хинди, африканские наречия...

– Это, конечно, отраднo. Но литература все же не отряд быстрого реагирования. А есть проблемы буквально обжигающие...

Валентин Курбатов

Каждый век диктует свои дороги

Как мы все-таки странно устроены: мало – нам плохо, много – еще хуже. Мир все не слушает оптинского старца Амвросия: «Матрена, держись среднего тона. Возьмешь высоко – будет нелегко, возьмешь низко – будет склизко». Не держится Матрена среднего тона, и все!

Зайдите сейчас в любую церковную лавку – совершенный супермаркет! Глаза разбегаются. Одни книги поглядите. Нет неотвеченных вопросов – от рождения до кончины осмотрено все. Все проблемы преодолены, чудеса явлены, перспективы очерчены, дороги в Царствие Небесное выглажены – только иди!

А перейдите улицу – обычный книжный магазин, и тут на вас бросится жаркий мир искушений и художественной тьмы, высокой мысли и глубинного знания, тонкой метафизики и изощренного сомнения. И добро бы в церковной лавке звучало только: «Осанна Сыну Давидову!», а в книжном магазине: «Распни Его!». Нет, мир исхитрился кричать это одновременно, и часто одни книги стоят на прилавках там и там. И церковь уже не всегда место встречи с Богом, и ты

– Нам, пастырям, следует активнее бороться с растлением. Сейчас, безусловно, Церковь вырабатывает соответствующие документы, отрешается от застойных явлений советских времен, когда ей запрещено было обращаться к обществу с кафедры, – но нужно действовать еще живее, острее. Я пожелал бы всем более бескомпромиссной позиции в защите материнства, детства, в оценке гендерной политики, ювенальной юстиции. Сегодня нам просто стыдно отмалчиваться, когда уже светская власть называет вещи своими именами. Ныне время активного сотрудничества с командой президента и противостояния тем чинушам, которые сознательно гасят многие правительственные инициативы в жизни общества.

Нам, пастырям, соблюдая заветы Святейшего Патриарха Кирилла, долженствует усердно трудиться на своем месте, выполняя наказания Матери Церкви, произнесенные устами священноначалия. При этом необходимо избегать страстности, волюнтаризма,

не искажая церковную точку зрения в угоду личным амбициям и скороспелым суждениям.

Не будем забывать о том, что война добра и зла, веры и растления идет в глубинах человеческих сердец. Духовной брани не может избежать никто – ни министр, ни гимназист. Демаркационная черта проходит в совести каждого гражданина России. Она, как мы уже выяснили, разделяет наше общество на два сословия – созидателей и разрушителей. Благодарение Богу за то, что Россия живет сейчас под знаком созидания и наш народ призван осмыслить себя как нацию, воспитанную тысячелетней православной культурой, являя образ жизни и образ мысли, освященные деятельным христианством, заквашенные на личной покаянной молитве и трудах во благо родной земли.

– И тогда духовное возрождение будет «неизбежно и неотвратимо»?

– Именно так.

– Пусть будет так! Благодарю вас.

детей Божьих уже и нет, а все – «общественные единицы», дети коллективного сознательного, сложенного если не идеологией, то неотличимой от нее по средствам церковью, что дает философу повод сказать, что «люди снова дети, но уже дети не Бога, а Церкви». Они предпочли укрыться от вопросов и беззащитного предстояния перед Богом в готовых ответах, в «строю», в пугающем Михаила Булгакова «пении хором», в церковной толпе. И их не осудишь, потому что стоять перед Богом в последней открытости – дело мучительное. Хорошо, если Бог открывается однажды, как Якову Бёме или Паскалю, Юлиани из Норича или Иоанну Креста, Серафиму Саровскому или Сергию Радонежскому, – в полноте и огненной ясности, и сердце горит потом ровным светом непрерывного воскресения. Но в большинстве-то, в обычном человеческом опыте Истина, по слову петербургского поэта и культуролога А. Машевского, носит «проблеско-

вый», «мерцательный» характер и сердце не держит ее, поддаваясь испытательным соблазнам ума, который в нас бодрствует настойчивее, чем сердце.

Понятно, что душе хочется не «проблеска и мерцания», а не противоречащего уму света. И было бы странно, если бы церковь в тревоге за человека не думала об этом. И естественно, что рядом с всезнающей благочестивой литературой, уверенной, что все решается смирением и послушанием, «записочкой и поклонником», является тонкое умное богословие митрополита Илариона (Алфеева), пронизанное высокой книжностью, блестящей начитанностью, радостным цитированием заново переведенных автором текстов великих учителей Церкви. Или ироничное, чуть нарочито уличное в языке, подчеркнуто демократическое богословие протодьякона Андрея Кураева, который равно осведомлен и в тяжелом роке, и в легкой кавалерии Интернета. А твой измученный, утомленный саморефлексией ум, вышколенный насквозь атеистическим XX веком, который при сомне святых и новомучеников все-таки останется в истории пиком атеизма, даже какого-то злого безбожия не для одних нас, но, кажется, и для мира, не даст тебе принять ни простоты, ни тонкости. И ты останешься на сомневающейся стороне тех, кто и за литургией, как отец Александр Шмеман, не закроет глаза на немощь церкви перед вопросами соловьевского Антихриста или Инквизитора у Достоевского. И тех, кто и в стихаре на амвоне, как С. Аверинцев, будет искать в православии место Платону и Плотину, Данте и Вергилию, Симоне Вайль и Мартину Буберу. И тех, кто с фило-

софской кафедры, как В. Бибихин, будет всматриваться в византийскую симфонию государства и церкви и пытаться понять, где там возможный идеал, а где просто договор между внешне принявшей веру империей и освободившейся от земных забот для «чистого Неба» церковью при совершенном равнодушии друг к другу.

Май 2014 года. Предстоятель Русской Православной Церкви Кирилл вручает Валентину Курбатову Патриаршую литературную премию

И куда денешь пограничные, на пороге церкви являющиеся и множющиеся книги литераторов, которые за художественной формой прячут живое смятение, возьмите хоть Л. Улицкую с ее «Даниэлем Штайном», М. Кучерскую с «Богом дождя» или тревожную поэзию церковного притвора О. Седаковой, О. Николаевой или Г. Русакова. Они сами-то рядом друг с другом, может, и не станут, уверенные, что делают разное дело, да раненое сердце тонкостей не видит.

Мы слишком долго были сиротами, безотцовщиной, когда Бог писался

с подчеркнуто маленькой буквы, которая сегодня в текстах той поры кажется прямо нарочитой. Отцы земные заслонили для нас Отца Небесного так прочно, что мы за собой никакой вины не чувствовали и возвращаемся сейчас к этому Небесному Отцу не как блудные дети со слезами покаяния, а как возвращаются из детдома – с вызовом и

требовательностью, ожидая любви и потакания, а не спроса и ответственности. Впрочем, разве мы одни? И сам-то мир, шедший как будто более традиционной дорогой, тоже давно позабыл свое детство, где вера чиста и априорна. И теперь, судя по интеллектуальному тонкому богословию, переодетому в притчи и сказки Толкиена и Льюиса и в детективные романы Честертона и У. Эко (даже если убрать умные провокации Дэна Брауна и Переса Реверте или ложно глубокие притчи Козьмо или мистификации Анхеля де Куатге), этот традиционный мир тоже подвергает веру испытаниям ума.

Каждый век диктует свои дороги домой, где Бог все ждет нас. Сегодня эти дороги часто окольные и полны опасностей, но их не обойдешь. Входить в церковь через университетскую

аудиторию стократ труднее, чем через детское причастие. Но зато этот путь тверже, и человек, вошедший этой испытательной дверью, потом оказывается вернее навсегда обретенному Отцу.

Иногда кажется, что и кризисы посылаются нам, чтобы мы скорее осознали цивилизационные тупики и выбрали пути культуры и веры, которые одни в тысячелетиях истории не изменяют нам, как не изменяет Бог в Своей неизменной исцеляющей полноте.

Псков

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Алексей, 37 лет, контролер электронной аппаратуры</i></p>	<p><i>Маргарита Зайдлер, 43 года, публицист</i></p>	<p><i>Николай Михайлович, 61 год, пенсионер</i></p>
<p>Что лично вам мешает жить в соответствии с заповедями Спасителя?</p>	 <p>Собственное несовершенство. Кажется, все вижу, все понимаю, а доходит до дела...</p>	 <p>Леность, страсти. Иногда тяга к греху пересиливает Закон Божий. Борьбу со всем этим нужно вести до гроба и таким образом очищаться и достичь Царства Небесного.</p>	 <p>Привычки наши, навыки, наши страсти.</p>
<p>Вы занимаетесь церковным самообразованием? В чем это выражается?</p>	<p>Да, занимаюсь. Учусь в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Читаю святоотеческую литературу, другие книги религиозной тематики, слушаю лекции.</p>	<p>Да, слава Богу, с тех пор как я познакомилась с Православием и приняла впоследствии Крещение, занимаюсь постоянно самообразованием. Много читаю.</p>	<p>Читаю Евангелие, жития святых.</p>
<p>Что, по-вашему, может особенно помочь нравственному очищению общества?</p>	<p>Скорее всего, сознательный, устремленный поиск Истины, а Истина есть Христос.</p>	<p>Чтобы народ массово обратился к Церкви, осознавал свои грехи, каляся, причащался. Уже с детского сада должны быть уроки Закона Божия, в школах обязательно тоже такой предмет.</p>	<p>Вера в Бога, в Его искупительную жертву за нас. Временная жизнь пройдет, а в вечность нельзя следовать без очищения, без исправления. Если в это верить, понимать и осознавать, люди станут нравственно чище.</p>
<p>Что лежит в основе конфликтов, которыми полон сегодня мир? Политика? Экономика? Или религиозный фактор?</p>	<p>То же, что я сказал о себе в ответ на первый вопрос: наше человеческое несовершенство. И самое главное – безрелигиозность.</p>	<p>Религиозный. Например, Европа еще пятьдесят лет назад была христианской, а сейчас в Евросоюзе вычеркнули из конституции даже упоминание о Христе. Политика, финансы – это все производное, это – ложные кумиры.</p>	<p>Все конфликты порождаются именно из-за нетерпимости друг к другу. Любви не хватает. Даже если будем процветать экономически, но оставаться такими же нетерпимыми, конфликты будут.</p>
<p>Если бы вы встретились с Патриархом, какие пожелания, касающиеся нашей Церкви, вы бы высказали ему?</p>	<p>Я могу только пожелать. Пусть его патриаршество станет эпохой наивысшего возрождения Русской Православной Церкви.</p>	<p>Делать все для сохранения единства в Церкви. И чтобы в духовных семинариях и академиях преподавали люди, которые четко придерживаются здравого православного учения.</p>	<p>Помощи Божией во всех его делах, терпения, здоровья, потому что груз, который он несет, больше всех наших вместе взятых.</p>

<p><i>Полина,</i> 35 лет, бухгалтер</p>	<p><i>Денис,</i> 27 лет, менеджер по продажам</p>	<p><i>Алиса,</i> 30 лет, художник</p>	<p><i>Маргарита,</i> экскурсовод</p>
			
<p>Суета. Все время какая-то занятость, и нет времени задумываться. А думаешь, уже когда что-то совершишь, а уже поздно...</p>	<p>Мешает наш быстрый образ жизни. Нужно остановиться иногда, обдумать хорошо какие-то свои действия, но не получается. Из-за этого сумбура все время нарушаешь заповеди Спасителя.</p>	<p>Ничего.</p>	<p>Собственное несовершенство.</p>
<p>Стараюсь читать религиозные книги.</p>	<p>Да, я занимаюсь церковным самообразованием. Читаю Священное Писание. У меня есть книга «Закон Божий», в которой вся информация о Православии структурирована и служит хорошим инструментом для самообразования.</p>	<p>В чтении соответствующей литературы.</p>	<p>Я понимаю, что постоянно нужно самообразовываться, не стоять на месте, нужно изучать святых отцов, Евангелие. Но одно дело – понимать, и совсем другое – воплощать это понимание. С последним не все так хорошо.</p>
<p>Прежде всего – воспитание себя, и чтобы люди это видели. Чтобы видели пример.</p>	<p>Только Православие. Только оно сделает наше общество лучше. Нестяжание, помощь ближнему, уважение старших, не убий, не воруй – все это сделало бы наше общество намного лучше. В Православии есть ответ на это.</p>	<p>Если политическим силам будет интересно нравственное состояние общества, то проблем не будет, потому что наша нация духовна. Привести ее в нормальное состояние, мне кажется, не составляет особых проблем.</p>	<p>Покаяние и любовь друг к другу. Забываем главное, и самые настоящие отношения затираются какими-то бытовыми дрызгами. Неужели только суровые испытания способны открыть в человеке доброту и искренность?</p>
<p>Деньги, к сожалению, экономика. Политика отчасти.</p>	<p>В основе конфликтов сейчас доминирует политика. Религиозный фактор используется как инструмент воздействия на массы людей для каких-то своих целей.</p>	<p>Мне кажется, экономика в большей степени, чем политика.</p>	<p>Религиозный фактор вообще нельзя сюда включать; а политика и экономика если влияют, это просто человек делает неправильный выбор, что он считает для себя дорожке.</p>
<p>Я не смогла бы, у меня не такой духовный уровень, чтобы Патриарху советовать. Мне самой еще учиться, учиться и учиться жить в Церкви, прежде чем советы раздавать. Я бы, наверное, никакие пожелания не высказала.</p>	<p>Я думаю, он сейчас все делает правильно, обращается не только к людям, которые уже православные и соблюдают заповеди Спасителя, но и к тем, которые еще вне Церкви, и он думает, как помочь им. У меня нет никаких советов.</p>	<p>Побольше общаться с нашими политическими лидерами, чтобы они становились более духовными людьми и положительно влияли на состояние нашей страны.</p>	<p>Во-первых, огромное спасибо, многая ему лета за его труды.</p>

«Душу свою за друзей своих»

В Чехии, как и в других европейских странах, немало захоронений русских воинов, в разное время павших в нашей общей борьбе с врагами славянского мира. Мои соотечественники, граждане Чехии, хранят о них благодарную память, приходят с живыми цветами к величественным монументам и скромным сельским памятникам.

Многие считают своим долгом ухаживать за могилами, будто лежат под каменными плитами их родные и близкие люди. И все больше становится среди наших волонтеров молодежи – школьников, студентов, молодых семей. Благодаря их активности, постоянному участию прихожан православных и других храмов, с помощью органов местной власти, Российского посольства в Чехии мы сумели привести в порядок заросшие и осыпавшиеся братские могилы героев известного сражения в местечке под Кульмом. Здесь сошлись на поле брани с тогда еще сильными наполеоновскими вой-

пришедших на поклон к защитникам Чехии. Они восстановили обветшалые захоронения, расчистили надгробия и дорожки, поставили часовенку и арку. Прежде заброшенный мемориал стал притягивать к себе местных жителей, проезжавших мимо путников...

Вспоминается такой эпизод. Работы в памятном лесу были близки к завершению, но денег не хватало катастрофически. Мы поведали об этом проявившей большой интерес к работе в лесу небольшой группе туристов. Оказалось, приехали из Канады, говорили между собой: «Как знать, может, здесь покоятся наши далекие русские

мемориалов 1813 года. И называют его сейчас уже не Мертвым лесом, а Лесом упокоившихся воинов. Православный крест сияет над аркой у входа.

А волонтеры озабочены тем, чтобы к 70-летию Великой победы во Второй мировой войне не осталось без присмотра ни одного памятника, ни одного захоронения погибших при освобождении Чехии от фашистских оккупантов советских солдат и офицеров и воинов союзнических армий. Пожалуй, еще никогда раньше не было такого широкого массового народного движения добровольцев и волонтеров. Они находят всякую возможность, чтобы участвовать в благородном деле сохранения памяти и передаче эстафеты ее новым и новым поколениям: от дедов – внукам, от отцов – детям. Поистине негасимая свеча жизни.

Но подвиги свершаются не только на войне, они свершаются и в мирное время. Спросите любого жителя небольшого города Крупка на северо-западе Чехии, что за событие произошло здесь чуть более двадцати лет назад, и каждый расскажет вам героическую историю и поведет к памятнику, на котором начертаны имена семнадцати молодых людей, собою прикрывших город...

После Второй мировой войны в ряде социалистических государств Центральной Европы, в том числе и Чехословакии, базировались советские войска с большими запасами различного вооружения на складах. Но в конце 80-х годов прошлого века, когда поли-

Панихида на могиле погибших российских воинов. Справа – протоиерей Мирослав Вахата

сками и одолели их в жестокой сече армии союзников – России, Австрии, Германии. Более семи с половиной тысяч русских солдат и офицеров сложили свои головы и нашли покой в чужой для них земле.

Долгие годы лес этот местные жители называли Мертвым, обходили стороной и мало кто осмеливался зайти в его дебри. Но вот зазвенел старый лес живыми голосами через два века

предки». Без лишних слов открыли бумажники и выложили недостающие нам деньги. Так всем миром в полном смысле этого слова на добровольные пожертвования восстановлен один из

Помните!

тическая ситуация в Европе и в мире изменилась и блок стран Варшавского договора прекратил существование, советские воинские части стали покидать места прежней дислокации и возвращаться домой, в Советский Союз. К сожалению, форсирование подобных действий иногда приводит к авариям и даже жертвам. Трагедия случилась 9 января 1991 года на северо-западе Чехии в маленьком городке Крупка.

...На территории старинного монастыря квартировал танковый батальон, который готовился к переезду на родину. Здесь же в ожидании отправки были собраны зенитные батареи, минометный дивизион и некоторые другие части с полным комплектом боеприпасов. Шла обычная работа по консервации техники перед погрузкой на железнодорожные платформы. Ничего не предвещало беды. Как вдруг из башни танка, стоявшего в глубине одного из боксов, повалил черный дым. Пожар в танке с полным боевым комплектом! Военные мгновенно оценили всю степень опасности. Если взорвется хотя бы один снаряд, находящийся в боевой машине, то обязательно сдетонируют и другие заряды, за ними – зенитные, минометные и все остальные, что хранятся на территории монастыря, а это уже – тонны, может, и десятки тонн взрывчатки! Если рванет все разом, на месте города окажется не воронка, а гигантский кратер. Каким-то доли секунды отделяли Крупку от страшной участи.

Этого мгновения хватило старшему лейтенанту Николаю Львову, чтобы успеть заскочить в соседний танк, зацепить горящую машину и оттащить на безопасное расстояние и залить огонь водой. Офицер действовал не по

приказу – по велению воинского долга, по велению своей христианской души и совести, по которой «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

Казалось, беда миновала. Огонь ликвидирован, дым рассеялся, вода из башни откачана, и военнослужащие продолжили работу. Один из офицеров

Этот чудный городок едва не превратился в гигантскую воронку. Страшно представить...

шагнул в поврежденную машину – и в тот же момент раздался чудовищный взрыв. Стальная машина разлетелась на куски, словно картонная коробка, обгоревшие металлические части боевой техники и останки людей разбросало на многие сотни метров вокруг, вогнало в развороченную взрывом землю. Страшные свидетельства трагедии продолжали находить весной, в растаявших снегах. Так на местном кладбище появилась еще одна братская могила советских солдат и офицеров, но погибших через 45 лет после Великой победы. Их было семнадцать двадцатилетних парней, и каждого ждали дома матери, отцы, любимые девушки... Как легенду рассказывают, что двое военнослужащих, находившихся неподалеку от места взрыва, получили серьезные контузии, но уцелели каким-то чудным образом, в то время как многие вокруг были убиты.

С тех пор прошло более 20 лет. Родственники, друзья помнят о своих погибших – солдатах и офицерах Российской Армии. Помнят о них и в спящем городе Крупка. На городском кладбище местные власти поставили скромный памятник, и приходят сюда люди, чтобы воздать почести солдатскому подвигу, совершенному в мирное время ради жизни чешского города и его жителей.

Первый молебен в память погибших прошел в православном храме святого Вячеслава Чешского в Крупке 9 января 2011 года. В траурной церемонии участвовали православные священники других храмов Чехии, сотрудники посольства России в Чешской Республике, официальные лица чешских органов власти и общественных организаций, главы администраций соседних

городов, русскоязычная общественная организация «Ковчег-Арха» и многие, многие простые прихожане, жители города. В присутствии множества людей, благодарных советским солдатам за спасение свое и города, был совершен чин панихиды по безвременно ушедшим воинам.

И как символ благодарной памяти поколений чешские девочка и мальчик открыли мраморную книгу, возложенную на гранитную надгробную плиту, а взрослые возложили траурные венки из живых цветов.

Слава Богу, людская память жива.

**Мирослав Вахта,
протоиерей, настоятель храма
святого Вячеслава Чешского
в гор. Крупка, настоятель храма
Воздвижения Креста Господня
в гор. Теплице, благочинный
Устецкого края.
Чешская Республика**

Юлия Антитина

Юлия Рейтлингер. Прага. 1923 г.

В «Лампаде» № 4 за 2011 год были опубликованы фрагменты записей сестры Иоанны (Рейтлингер), связанные с последними днями жизни протоиерея Сергея Булгакова. Читаешь эти строки, и тебя охватывает чувство причастности к чему-то невыразимо дорогому, хрупкому и таинственному. Обычные слова, будничные фразы – они надолго остаются в памяти, не отпускают, звучат...

А спустя два года после этой публикации в издательстве Преображенского содружества малых православных братств вышла книга «Богу шоры не нужны...». И вновь мы встречаем имя инокини Иоанны (Рейтлингер). Уже в связи с прежде неизвестной широкой публике перепиской со своей духовной сестрой – монахиней Еленой (Казимирчак-Полонской). В 2013 году исполнилось сто лет со дня ее рождения. И вновь – похожие мысли, похожие чувства...

Елена Полонская. Варшава. 1934 г.

Две сестры

Личность Е.И. Казимирчак, всемирно известного астронома, лауреата премии Академии Наук СССР им. Ф.А. Бредихина, автора монографии об отце Сергии Булгакове и монахини в миру, к сожалению, мало известна современникам. А это пример жизни человека, который сочетал интеллект выдающегося ученого с глубокой верой, удивительно кротким нравом, милосердием, чистотой души и честностью.

Елена Ивановна Полонская родилась в местечке Селец Владимир-Волынского уезда Волынской губернии в дворянской семье. Уже в 16 лет она поняла, что ее предназначение – занимаясь наукой, проповедовать премудрость Божию. В своей книге она пишет¹: «Однажды в ясный солнечный день она стояла на холме громадного Волынского парка. Вокруг простиралась необозримые дали, перемежаемые купами деревьев, невдалеке блестело озеро. Охваченная смятением, она вопро-

сила небеса: есть ли Бог, слышит ли Он ее. Она должна знать, во имя чего ей дана жизнь. И вдруг несказанно преобразились луга, деревья и цветы. Она увидела красоту земли, созданную во всем блеске и могуществе. Ослепительной была яркость облаков, листьев и трав – преображенная природа, как увидела ее юная Елена, говорила о Его присутствии и могуществе. Она почувствовала необычайный прилив сил и поняла в этот миг, что с Господом возможно все. Этот миг, явленный ей свыше, предопределил весь дальнейший жизненный путь служения Богу...».

Елена Ивановна рассказывает, как обратилась к Богу, как искала Его – живого, реального, потому что «отдать свою жизнь можно только тому, кто реально существует»; как пережила покаяние, перевернувшее всю ее жизнь. Она вспоминает свою первую сознательную исповедь в шестнадцать лет: «Раздвинулись границы сознания, родилось новое “зрение духа”, позволяющее, как будто в космическом калейдоскопе, узреть в один миг проносившиеся события

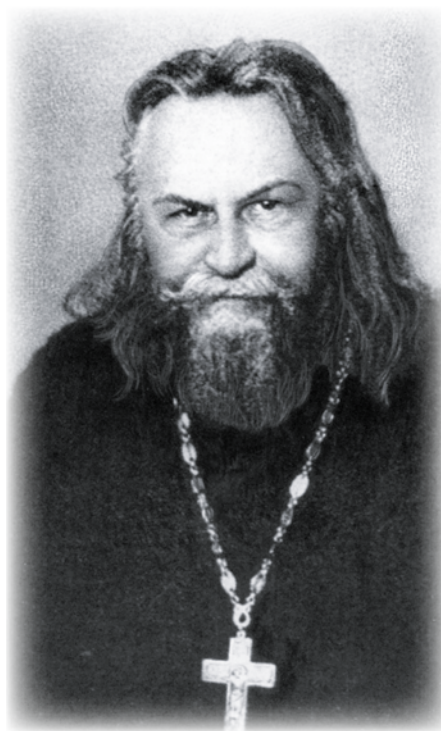
всей жизни – от детских лет до настоящего момента; уразуметь во всей глубине смысл всех пережитых страданий, трудностей и радостей, постигнуть смысл личной жизни, осознать подлинное духовное призвание...».

В 1928 году, окончив физико-математический факультет Университета Яна Казимира во Львове, стала работать в обсерватории Варшавского университета, обретала научные степени. Верная полученному в Волынском парке откровению, изучает богословие в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Единственного сына (его она потеряет через одиннадцать лет) Елена Ивановна назвала Сергеем – в честь духовного отца, протоиерея Сергея Булгакова.

В апреле 1945 года, овдовев, она переезжает в СССР (консульство разрешило русским переезд). Едет на «подпольную религиозную работу», получив благословение духовного отца. Так она выбрала свой путь служения – монашество в миру, и началось это служение Христу... в тюрьме.

¹ Монахиня Елена (Казимирчак-Полонская). О действии благодати Божией в современном мире: Сборник. Составитель О.Т. Ковалевская. / Москва: Оранта, 2012. – 400 с.

На новой родине Елену Полонскую арестовали в 1952 году: «по подозрению в шпионской деятельности». Последовали многочасовые допросы в Бутырской тюрьме. Позже она рассказывала, что вначале пыталась обманывать ведущих допрос, а потом запуталась в показаниях: «Первый следователь налетал на меня, как ястреб с высоты, называл меня с сатанинской злобой “сволочь”, “стерва”... “Не оправдываться ни в чем! Сознаваться в своих преступлениях! Сию минуту!!!”... Мне иногда хотелось вскочить и расшибить себе голову об стену, чтобы мозги у его ног были, и крикнуть: “Не повинна ни в чем!”. Я четыре раза перегрызала себе вены на руках. И думала, что Бог простит... Они от меня требовали рассказывать о других... И я начала врать, чтобы не выдать... и запуталась... Каждую ночь допрос 8–10–12 часов подряд, днем лечь нельзя, заставляли ходить по комнате и падать на стенку, только вечером засыпаешь на 1½–2 часа – будят и ведут... 9 месяцев! Возвращаешься и засыпаешь в черном отчаянии. Вдруг ночью как меч прорезал мое сознание “апостол Павел”. И говорит: “А я в тюрьме не лгал”. И вдруг полагает мне на сердце ответ... Я его ловлю именно так, как в Евангелии сказано: “Будет вам дано, что отвечать”. И прихожу чрез 15 минут на новое следствие, и говорю “те слова”. Вся дрожу... Вдруг этот “зверь” говорит: “Посмотрите на меня”. Я отвечаю: “Не могу” (потому что у меня в глазах слезы от духовного умиления, а я из гордости никогда перед ним не плакала и не показывала своей печали). Он требует: “Подымите сию минуту на меня глаза”. Я исполняю и вдруг вижу: приветливое лицо, машет мне рукой и го-

Юлия Николаевна (сестра Иоанна) и Елена Ивановна (монахиня Елена) – ровесницы, обрели свое духовное родство через отца Сергея Булгакова, так как с 1920 года в течение двух десятилетий были его духовными чадами. Он же благословил их обеих на монашество в миру, как когда-то и мать Марию (Елизавету Кузьмину-Караваеву). С тех пор сестры не прерывали общения. Перед смертью (1944) отец Сергей наказал сестре Иоанне: «Возвращайся на Родину, Юля, и носи свой крест. И слышишь, Юля, с радостью носи!». Монахиня Елена также получила благословение от отца Сергея вернуться – на «подпольную религиозную работу». Она переезжает в СССР сразу после окончания войны, Юлия Николаевна – на десять лет позже, в 1955 году (она переехала в Чехословакию и до 1956 ждала разрешения на въезд в СССР). Письма относятся к «советскому» периоду их жизни.

ворит сердечно-тепло: “Привет!”».² Так допросы превратились в проповедь. Следователь, чье имя Елена Ивановна впоследствии никогда не называла, в итоге уверовал в Бога и сумел добиться ее освобождения. После выхода из тюрьмы она смогла продолжить научную деятельность. Воспоминания Елены Ивановны раскрывают перед нами образ настоящего миссионера и человека, решившего жить по Евангелию вне зависимости от внешних жизненных

условий. Одна из центральных тем ее размышлений – это связь науки и веры. «Мне кажется, что наука может устранить препятствия к вере, но она не может непосредственно пробуждать веры, т. к. наука и вера в глубинном смысле различны, – пишет Казимирчак-Полонская. – Вера всегда остается подвигом духовным, полетом за сферу научного познания, порывом человеческого духа ввысь, где Бог – в ответ на этот порыв и подвиг – раскрывает Себя духовной глубине человека. И тогда происходит эта личная встреча...».³

Тема духовного поиска была чрезвычайно близка Елене Ивановне. Ведь она одновременно занималась исследованиями в области астрономии, совершив несколько научных открытий, и еще в 70-е годы тайно собирала кружки, где вместе с молодежью читала и толковала Евангелие, делала доклады по апологетике, патристике, истории Церкви. Некоторые из членов этих кружков впоследствии стали священнослужителями и говорили, что именно она стала тем светом-звездой,

который помог им победить мрак безверия. Тем более символично, что в 1978 году именем Елены Ивановны Полонской назвали маленькую планету № 2006. В телескоп она выглядит яркой и неугасающей точкой.

«...Юлия Рейтлингер была по своему дару природенной “художницей”, – пишет Н.А. Струве⁴. – “Художницей” обзывала ее еще в гимназии не без раздражения учительница, видя ее страсть к рисованию, а следовательно, и меньшее прилежание к другим предметам... Художницей она

² Мон. Елена (Казимирчак-Полонская), инокиня Иоанна (Рейтлингер). Богу шоры не нужны... Письма 1958–1987 годов / Сост., подгот. текста и примеч. Ю. Бродовской; вступ. ст. Н.П. Белевцевой. – М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2013. – 128 с., сс. 27–28.

³ Там же, с. 49.

⁴ Дневники сестры Иоанны опубликованы в журнале «Вестник РХД» №№ 192 и 193, главным редактором которого является Н.А. Струве.

Сошествие во ад. Икона

не перестала быть до самой смерти... Революция не позволила девятнадцатилетней студентке завершить специальное образование, она принесла ее семье тяжелые испытания:

Святой пророк Илия. Икона

в Крыму смерть от сывняка двух сестер и матери, затем эмиграция, в которой Юлии будет суждено прожить целых тридцать пять лет. Испытания эти лишь углубили ее веру. И в Петербурге, и в Крыму Рейтлингеры жили в окружении культурных семей: критика Ю.Н. Никольского, известных общественных деятелей В.А. Оболенского, П.Б. Струве и др. В Крыму в годы Гражданской войны состоялась судьбоносная встреча Юлии Рейтлингер с отцом Сергием Булгаковым, определившая всю ее последующую жизнь...».

С отцом Сергием, высланным из России, Ю.Н. Рейтлингер встретила в 1923 году в Праге, где училась в университете и посещала Кондаковский институт. Именно в Праге начала она писать иконы, и тогда же пришла мечта соединить икону с молитвенной жизнью и с живописным искусством: «Моя мечта – творческая икона, но

ремесло – необходимо». За отцом Сергием она последовала в Париж, когда митрополит Евлогий привлек его к созданию Свято-Сергиевского Православного богословского института. Поселилась в том же доме, чтоб помогать в быту его семье. Тут началось почти двадцатилетнее общение молодой иконописицы с тем, кого следует считать самым крупным, самым духоносным православным богословом XX столетия.

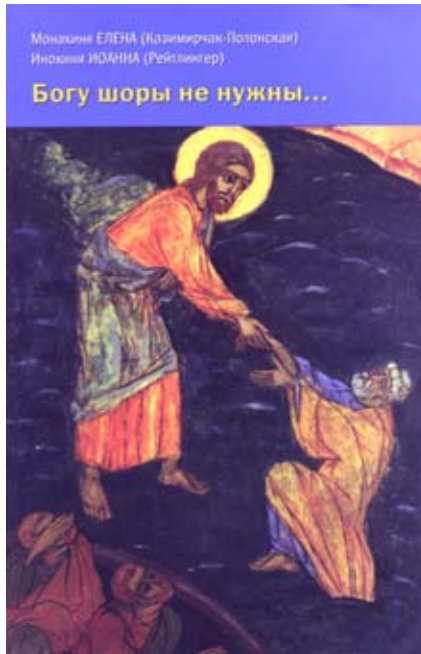

Ангел. Фрагмент иконы

У Юлии Николаевны к 24 годам атрофировался ушной нерв, и она абсолютно ничего не слышала, однако очень стойко это переносила. «Господь тебя посхимил», – говорил своей духовной дочери отец Сергей. ...Она всегда говорила: «Должна существовать иерархия ценностей: это – житейское, значит, это неважно, это – внутреннее, духовный мир, значит, это ценно». В 1935 году в день св. Иоанна Предтечи она приняла постриг с именем этого святого и стала монахиней в миру.⁵

В 1930–40-е годы сестра Иоанна создала много икон и росписей для различных храмов зарубежья. К 1945–47 годам относится вершина ее монументального творчества: росписи часовни свт. Василия Великого и Дома содружества прп. Сергия и свт. Албания в Лондоне (в частно-

⁵ Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова: Дневники. Записные книжки. Письма / Состав., подгот. текста, предислов., коммент., примеч. Б.Б. Поповой – М.: Никея, 2011. – 312 с.: илл.

Монахиня Елена (Полонская-Казимирчак). Ленинград. 1988 г.

Хожение по водам. Фрагмент иконы. Начало 1980-х гг.

Сестра Иоанна (Рейтлингер). Ташкент. Начало 1980-х гг.

сти, на темы Сотворения мира и Апокалипсиса).

Глава семейства Рейтлингеров после смерти Сталина стремился в Россию, и в 1955 году все переехали в СССР. Местом жительства был определен Ташкент – семья оказалась в среднеазиатской глиняной мазанке без элементарных удобств (всех реэмигрантов – художников, писателей, поэтов, инженеров – выселили из поезда прямо посреди пустыни, и уже потом они перебрались в окрестности Ташкента). Долгое время сестра Иоанна вынуждена была зарабатывать на хлеб ручной росписью платков. В Ташкенте круг ее общения включал в себя реэмигрантов из Европы и Китая, вернувшихся в СССР в 1930–50-е годы, а также интеллигенцию, вышедшую из советских концлагерей.

Для сестры Иоанны 1958 год, которым датируется первое письмо из напечатанной переписки, – трудное время. Возвратившись в СССР и оказавшись в Ташкенте, она попала фактически в изоляцию. К тому же в это время она отходит от Церкви, разочарованная состоянием Православия еще в Чехии. Именно эти духовные метания одного из лучших иконописцев XX века стимулировали Елену

Казимирчак-Полонскую к переписке с нею. В письмах она делится с «Юленькой» переживанием действия Божия в своей жизни.

Письма от сестры Иоанны к Елене Ивановне коротки и в основном написаны уже рукой ее сестры Екатерины Кист, потому что в 80-е годы к потерянному в юности слуху прибавляется утрата зрения. Однако несмотря на все немощи престарелые сестры полны любви и благодарности Господу за все, и прежде всего – за возможность общаться.

Письма матери Елены и сестры Иоанны датируются отрезком времени в тридцать лет, с 1958 по 1987 год. В истории нашей страны этот промежуток охватывает хрущевскую оттепель, брежневский застой и горбачевскую перестройку, по человеческим меркам это период смены поколений. Удивительно, что за столь длительное время обе женщины, не имея возможности регулярно видеть друг друга, не теряют способности к подлинному общению и взаимной помощи.

В 1960-е годы сестра Иоанна постепенно возвращается к иконописи, а затем и в Церковь («Икона вернула меня в Церковь», – вспоминала она впоследствии). Иконопись была для

нее окном не только в сугубо духовный, церковный мир, но и в то, что не очень удачно было когда-то названо общечеловеческими ценностями. Об этом она писала так: «Чувствую, что в иконе какой-то очень основной узел всех современных проблем духа и искусства ... От этих мыслей очень трепетно. Хочется, чтобы это проникло, хочется, чтобы и... в современных галереях прозвучала бы эта проблема, эта нота, эта песня. Трепетно, трепетно».

В 1970–80-е годы сестра Иоанна написала большое количество икон, большей частью небольшого, с ладошку, размера, чем и на чем придется – не было ни традиционных досок, ни яичной темперы, ни олифы... Она вкладывала образки в коробочки с конфетами и так пересылала друзьям.

Это лишь краткий рассказ, посвященный двум женщинам, инокиням, исключительно талантливым, праведницам, «сияющим как звезды». Пусть это редкое сочетание подлинной церковности, культуры и образованности, которое они являли в своей жизни, остается вдохновляющим примером для всех нас.

(Использованы материалы сайтов www.psmb.ru/, www.sfi.ru/)

Животворящий крест: пурехская легенда

В одну из непогожих ночей осени 1975 года сгорел в селе Пурех дом бывшего церковного старосты, к тому времени уже покойного. Семья была дома, кое-

что успели вынести, но не все. Сгорело многое из имущества, в том числе несколько старинных церковных книг, и среди них – летопись животворящего креста.

Мало кому довелось видеть эту летопись: когда-то она хранилась в пурехской церкви Макария, Желтоводского и Унженского чудотворца, в тридцатые годы XX столетия, в бурную пору антирелигиозной кампании, ее взял на сохранение и долгое время скрывал от всех, опасаясь за ее сохранность, бывший церковный староста. Говорят, что была она написана на свитке, древнерусским церковным письмом и рассказывалось в ней не только о делах церковных и монастырских, но и мирским событиям уделялось место: описывались в ней приезды в Пурех владык в храмовые престольные праздники, о выносе креста из церкви, о молебнах в засушливые годы, об особо богатых жертвованиях кресту... Все взял огонь. Да и не велись уж записи, почитай, лет около ста. Еще говорят, что когда-то давно какой-то человек пытался переписать эту летопись, а кто-то даже сфотографировал ее. Неизвестно только, кто и когда, да и куда девались список и фотографии, тоже никто не знает.

Те, кому довелось видеть эту летопись, передавали, что в начале ее говорилось о селе Пурех, будто было оно основано мордовским князем Пурешем, сподвижником князя Юрия Всеволодовича, чуть ли не одновременно с Нижним Новгородом.

История же животворящего креста начинается с тех времен, когда село стало вотчиной князя Димитрия Пожарского. Вроде бы в самом начале XVII века князем Пожарским, по обещанию, был построен в Пурехе Макарьевский монастырь. Макарий, Желтоводский и Унженский чудотворец, слыл, по преданию, нижегородцем, подвизался во времена татарского нашествия. Монастырь был деревянный, рядом с ним небольшая приходская церковь. При монастыре – конюшенные и скотные дворы, к обители приписаны целые деревни.

Вскоре после того по всей округе, и в вотчине князя Пожарского тоже, откуда-то взялась свирепствовать неведомая болезнь. Начался мор, люди умирали во множестве. В это-то время и был подарен каким-то богатым московским монастырем пурехскому монастырю деревянный

крест. Высоко-человечья желый вый крест, резанная из дерева соггура распясо склоненной головой. Привез его чину сам жарский. понесли по всем свермор-пошел а там и кратился. них пор и в народе вотворя-

распятие. кий, больше ского роста, кипарисона нем выпальмового бенная фитого Христа ной головой. в свою воткнязь ПоС молитвой монахи крест деревням, и шилось чудо: по ветрие на убыль, вовсе преС тех давпрослыл крест как жищий. Долгие

лет, совсем случайно, обнаружили этот тайник. А когда его вскрыли, удивлению и радости людей не было границ: крест оказался цел и невредим, даже лик не потускнел, разве что немного потемнел венец да напоясная накидка несколько утратила белизну. Крест-распятие установили в старой, обветшавшей деревянной церквушке почти заглохшего монастыря Макария, Желтоводского и Унженского чудотворца, и не было конца череде желающих поклониться вновь обретенной святыне. Тогда-то и решили на месте ее обретения построить новый, каменный собор. Почетное место в нем отвели животворящему кресту, поклониться которому приходили люди из ближних и дальних мест.

Так шло почти двести лет, пока в тридцатые годы XX столетия не началось разорение церквей. Закрыли и Макарьевский собор в Пурехе. Церковные ценности и иконы решили из Пуреха вывезти. Каково же было изумление тех, кому полагалось это сделать, когда, открыв запертые двери, они обнаружили пустое место там, где всегда находился животворящий крест! Куда он девался? Кто и когда мог незаметно вынести такой большой и тяжелый предмет? Принялись за розыски. Крест объявился в нескольких верстах от Пуреха, в крапивинской церкви, что в соседнем приходе. Объявился к всеобщему изумлению, потому что служба там случалась только по воскресеньям, а крест появился там на неделе, между службами. Народ был уверен: крест ушел в Крапивино сам, потому что не хотел быть увезенным неведомо куда. Крест погрузили на подводу и вернулись в Пурех. А когда повезли дальше, кони не хотели сделать ни шагу: храпели, бились, шарахались, вставали на дыбы... Все-таки крест вместе с другим церковным имуществом увезли из Пуреха, и след его потерялся.

Только говорят, что уцелел животворящий крест и находится в одной из церквей Нижегородской области. И хоть потускнел он от времени и оклада золотого на нем не стало, все так же идут верующие поклониться своей святыне.

А. Лохова

Крест из с. Пурех. 1912 год. Фото М.П. Дмитриева (Нижегородский историко-архивный музей-заповедник)

годы после этого он был предметом поклонения всей округи.

А потом пришли лихие годы, время было смутное, волнения разные, бродили в округе воровские шайки, поляки разбойничали. То и дело доходили слухи о разграбленных церквях и монастырях под Нижним и Балахной, а тут ведь день-два езды. Игумен и монахи стали опасаться за свой монастырь, боялись врагов, боялись пожаров... И решили спрятать свою главную святыню. В песчаном берегу неглубокого озера неподалеку от монастыря выкопали яму аршина в два глубиной, выложили стены бревнами, дно – смолистыми сосновыми комлями и уложили на них обшитый войлоком и завернутый в просмоленные рогожки крест. Накрыли его смоляными плахами, сверху еще рядом бревен и закопали.

Шли годы... Монастырь оскудел, слава его померкла, иноки, укрывшие крест, разбрелись по другим обителям, игумен умер. О кресте забыли, а кто и помнил, не знал, что с ним случилось: прятали крест под землю в глубокой тайне. Почти через сто

Легенды не умирают

Несколько лет назад в одном из январских номеров «АиФ-НН» я увидела информацию о том, что в селе Пурех Чкаловского района произошло знаменательное событие: в местный храм вернулась святыня – крест животворящий, который в начале XVII века привез в свое родовое село Пурех князь Димитрий Пожарский из Соловецкого монастыря.

По вере вашей да будет вам (Мф. 9:29). Храм Святой Живоначальной Троицы. Нижний Новгород, Высоково. В селе Пурех находится копия этого креста

Святыню поместили в церкви, потом она хранилась в Спасо-Макарьевском монастыре, основанном князем. Крест пробыл в монастыре до времен большевистского гонения на церковь. С той поры он считался утраченным. Позднее его обнаружили в высококовской Троицкой церкви. Возвращать святыню на прежнее место не стали, решили изготовить точную копию, и в январе 2007 года в Преображенском храме Пуреха архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий в присутствии сотен прихожан освятил ее.

Я сохранила вырезку из газеты. То, о чем я хочу рассказать, непосредственно связано с этим событием. На днях, разбирая бумаги, наткнулась на одну, которую считала давно утерянной. На ней записана любопытная, даже удивительная, история. Услышала я ее от своей сватьги (свекрови моей дочери) Валентины Степановны Браусовой лет десять назад. Теперь же думаю: пусть эту красивую историю о чистой, настоящей вере узнают и другие.

Баба Валя рассказывает: «Было это вскоре после войны. Жили мы в Пурехе, недалеко от церкви. А на задворках стоял маленький домишко, где жили две пожилые

одинокие женщины, две Груни. Были они очень набожные, очень верующие, много молились и исполняли все, что положено христианам. Как-то работали мы в поле, здесь же была одна из Грунь. Сели под копну отдохнуть. Болтали мы с девками о том о сем. А Груня и говорит: «Девчонки, послушайте-ка, что я вам расскажу, какое чудо приключилось с нами, с Грунями».

Теперь – рассказ Груни: «Случилось это, когда разорвали церкви. Дошла очередь и до нашей, в Пурехе. Что там творилось, не знаем, попрятались мы по домам. Боялись. И тут нам шепнули, что крест животворящий из храма выкинули и валяется он на дороге. Подхватились мы с Груней – и туда, к церкви. Там уже никого не было, все погромлено, а крест и вправду лежит в пыли, весь обшарпанный, поцарапанный. Подняли мы его, принесли к дому, поставили у стены, помыли, обтерли. А что дальше с ним делать, не знаем. Пошли к батюшке в Катунки. «Надо его куда-нибудь спрятать, – говорит он, – отнести подальше, в другую церковь, в нашу нельзя». – «Да как же его отнести, ведь он такой большой и тяжелый?». – «А как вы его от церкви домой несли? Тяжело было?».

Переглянулись мы с Груней: а и правда, сами не знаем, как принесли. Вроде никакой тяжести не было. «Ну вот, – сказал батюшка, – собирайтесь и идите в сторону города. Там на пути, может, встретите не тронутые еще церкви, там и оставьте крест. Бог вам поможет, а я вас благословляю».

Собрались мы с Груней и в ночь отправились в путь. Взвалили крест на плечи и пошли вдоль по Волге, да не по главной дороге, а в обход, полями. Спали под стогами или под деревьями. Кто встречался нам, дивился: как это мы, две уже немолодые женщины, несем такую тягу? А нам и не тяжело было. Как будто кто-то другой нес или он сам словно плыл, а мы только поддерживали. И никто нас не обидел – ни зверь, ни человек.

Так дошли мы до церкви в Балахне. Батюшка тамошний встретил, подивился и говорит: «Сейчас работников вышлю, пусть занесут крест в церковь». Вышли молодые парни, хотят поднять крест – и не могут. Он как стоял у стены, так и стоит будто вкопанный. «Да, – говорит батюшка, – не хочет он к нам. Видно, кто-то не от души молится. Несите, милые, дальше». Еще в одной церкви хотели оставить – и там ничего не получилось. «Видно, приход наш не по нему», – сказал священник и благословил нас отнести крест в Высоково.

А там, в церкви, нас уже ждали, видно, молва о том, что несут крест животворящий, опередила нас. Батюшка вышел, поклонился кресту и сказал: «Добро пожаловать к нам. Мы уже и место для тебя приготовили».

Крест легко внесли в церковь и поставили в нишу. Стал он, как будто всегда здесь стоял. Отдохнули мы с Груней и отправились домой. Да, девчонки, мы-то не доживем, а вы еще застанете то время, когда церкви восстанавливать начнут».

«Как сейчас помню, что рассказывала нам Груня», – сказала, завершая рассказ, баба Валя. Она еще говорила, что не раз бывала в высококовской церкви, детей там крестила. Крест стоит, прикладывалась она к нему. Спрашивала у священника, знает ли, что это за крест и как он попал сюда? Батюшка не знал. Конечно, времени прошло много, священники менялись, и долго никто не догадывался, где находится святой животворящий крест из Пуреха. Такая вот история.

Тамара Воронцова

Нижегородская область,
пос. Сормовский Пролетарий

Лишь в красоте души спасенье Так и жил, помня об этом, отец Василий Руднев

Опубликованный в минувшем номере очерк Архивариуса об истории нашего храма заканчивался кратким рассказом о судьбе одного из настоятелей конца XIX — начала XX века священника Василия Руднева. Это был действительно необыкновенный человек. Достаточно сказать, что в связи с его кончиной в Московских церковных ведомостях (№ 12 за 1902 г.) был помещен большой некролог, опубликована речь протоиерея П. С. Шумова, произнесенная им при отпевании батюшки, и напечатаны стихи его ближайшего друга Л. Денисова, написанные в связи с прискорбным событием. Это говорит о многом. Столь обширная публикация

по поводу кончины в общем-то рядового сельского священника (а Ховрино в ту пору и было всего лишь селом) — само по себе явление не из рядовых. Уже по одному этому факту можно судить, сколь высоко ценила наша Церковь отца Василия Руднева. Это видно также из некролога, где описаны не только прижизненные заслуги отца Василия, но и чувствуется скорбная торжественность момента.

Мы решили воспроизвести названные публикации в их первоизданном виде — как они были напечатаны в Ведомостях. Возможно, так вы лучше почувствуете дыхание того печального дня — 5 марта 1902 года.

К сему: ваш Архивариус

Священникъ В. В. Рудневъ.

(Некрологъ).

Во вторникъ, 5 марта, сего года, около 6 час. пополудни, послѣ непродолжительной, но тяжелой, болѣзни скончался священникъ села Ховрина, Московскаго уѣзда (въ 12 верстахъ отъ Москвы), о. *Василій Васильевичъ Рудневъ*.

Почившій, сынъ священника г. Москвы, о. В. Θ. Руднева (нынѣ архимандритъ Московскаго Данилова монастыря о. Тихонъ), родился въ 1862 году и обучался въ Московской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ по второму разряду въ 1884 году. Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Иоанниемъ былъ рукоположенъ во священника къ церкви села Ховрина 30 августа 1884 года и состоялъ законоучителемъ при мѣстномъ сиротскомъ пріютѣ имени Императора Александра II. Въ 1900 г. о. Василій устроилъ при храмѣ церковно-приходскую школу, въ который состоялъ завѣдающимъ и законоучителемъ. Школа обезпечена г-жей Молчановой, пожертвовавшей капиталъ въ 2.500 руб. въ 6% билетахъ Государственной Комиссіи погашенія долговъ. 23 августа 1893 года почившій былъ награжденъ набедренникомъ, а 29 апрѣля 1899 года — скуфьей. Послѣ него осталась вдова съ семью дѣтьми. Отпѣваніе тѣла новопреставленнаго іерея Василія происходило въ субботу 9 марта. По выносу тѣла въ церковь въ 10 часовъ утра началась литургія, которую совершалъ архи-

мадритъ Московскаго Данилова монастыря о. Тихонъ, въ сослуженіи съ окрестными сельскими священниками. вмѣсто причастнаго стиха произнесъ слово бывший учитель церковно-приходской школы села Ховрина (нынѣ священникъ) Л. К. Сироткинъ. Въ концѣ литургіи произнесъ глубоко-прочувствованную рѣчь прибывшій на отпѣваніе изъ Москвы протоіерей Николо-Голутвинской церкви о. П. С. Шумовъ. Отпѣваніе совершалъ архимандритъ Тихонъ съ протоіереями: І. Θ. Мансветовымъ и П. С. Шумовымъ, и 12 священниками мѣстнаго благочинія. Въ исходѣ второго часа для гробъ съ останками почившаго въ преднесеніи хоругвей при колокольномъ звонѣ былъ обнесенъ вокругъ храма, въ которомъ о. Василій настоятельствоваъ 18 лѣтъ, и затѣмъ принесенъ къ могилѣ, въ которую былъ опущенъ послѣ краткой литіи. Предъ расрытой могилой, готовой принять прахъ почившаго, однимъ изъ знакомыхъ его Л. И. Денисовымъ было произнесено стихотвореніе, посвященное памяти іерея Василія, который, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его, отличался прямою душою и честностью характера. На погребеніи присутствовало болѣе 200 человекъ, какъ прихожанъ мѣстнаго храма, такъ и пріѣхавшихъ изъ Москвы на отпѣваніе родственниковъ и знакомыхъ новопреставленнаго о. Василія. На поминовеніи, состоявшемся въ его домѣ, было около 80 челов. Вѣчная память скончавшемуся въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной!

Л. Д.

Речь сказанная протоіереемъ П. С. Шумовымъ при отпѣваніи священника В. В. Руднева.

Любезный Василій Васильевичъ.

Вотъ я и пріѣхалъ къ тебѣ!

Еще такъ недавно я видѣлся съ тобою, и ты такъ усердно, такъ любезно звалъ меня къ себѣ, звалъ такими лестными, такими любвеобильными словами — и вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ. Пріѣхалъ, но какъ ты встрѣтилъ меня? Гдѣ та любовь твоя ко мнѣ, которая была всегда во взорѣ, въ словахъ и во всемъ обращеніи твоёмъ. Повторится ли та откровенная, задушевная беседа, которую ты всегда велъ со мной. Особенно знаменательны три послѣднія встрѣчи и бесѣды со мною, гдѣ во всей силѣ проявилась твоя любовь къ мнѣ. Я

цѣнно эту любовь твою ко мнѣ — и вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ, пріѣхалъ и желалъ бы снова такъ же задушевно исбѣдовать съ тобою, — но ты молчишь и не говоришь со мною, ты какъ бы не видишь и не замѣчаешь присутствія моего, какъ бы за что-то прогнѣвался на меня.

Но что я вижу? Думалъ ли я это видѣть? Я вижу во гробѣ тебя. Такъ быстро, такъ неожиданно смерть сразила тебя. Какая скорбь, какая тяжкая потеря для семьи твоей, для дорогого родителя твоего, для пасты твоей и для всѣхъ знавшихъ тебя! Кто можетъ описать и изобразить эту скорбь? Гдѣ можно взять столько слезъ, чтобы достаточно оплакать тебя! Ни одного устроеннаго дѣтница, ни одного совершеннолѣтняго, одни только малыя, а теперь и скрывы окружаютъ гробъ твой. Такъ скоро, такъ рано собрался ты въ неизбѣжный, невозвратный, далекий путь свой. А мы утѣшали себя надеждою, что ты скоро будешь близъ насъ во градѣ нашемъ. Но Господь по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ рѣшилъ иначе. Онъ взялъ тебя во градъ небесный, чтобы тамъ ты возносилъ хваленіе Ему. Покаряемся этому опредѣленію Божественному и вѣримъ, твердо вѣримъ, что Онъ лучшее избралъ для тебя. Что жизнь здѣшняя? Какъ многоскорбна почти всегда бываетъ она! Сколько болѣзней, несчастій, неустройствъ всякаго рода видится здѣсь. Сколько печали сердечной вноситъ она въ насъ! Сколько тайныхъ и явныхъ слезъ проливается тутъ! Именно, она юдоль плача и мѣсто изгнанія нашего. Особенно эта скорбь выпадаетъ на долю пастырскую. Невѣріе усиливается, пороки умножаются, страхъ Божій исчезаетъ изъ сердець людскихъ, — каково все это видѣть пастырю Церкви! И ты конечно видѣлъ все это, твоя душа конечно болѣла этою скорбію. И вотъ теперь Господь взялъ тебя изъ міра скорбнаго и переселилъ туда, гдѣ конецъ всѣмъ скорбямъ, гдѣ радость безконечная. — А борьба съ собою? — со всѣми немощами природы нашей? — какъ она тяжело достается намъ? Сколько боли сердечной переиспытаетъ каждый прежде, чѣмъ достигнетъ побѣды надъ собою! Зная это, будемъ ли мы скорбѣть, когда видимъ, что для иныхъ эта борьба окончена, смерть прекратила ее? — что умирая, они побѣдителями входятъ въ иной міръ, и тамъ свободно, безъ стѣсненія будутъ развивать и возвращать то сѣмя добра, которое понесутъ съ собою. Сѣмя добра — это тѣ добрыя намѣренія, искреннія и твердыя, которыя люди имѣютъ предъ смертію своею. И Господь и намѣренія ихъ приметъ какъ дѣла, и не оставитъ безъ милости Своей. Много искреннихъ, добрыхъ намѣреній имѣлъ и ты, возлюбленный собратъ нашъ, — и мы вѣруемъ, что Господь приметъ ихъ какъ самое дѣло и помилуется тебя на праведномъ судѣ Своемъ.

Но на праведномъ судѣ Божіемъ нужны прежде всего дѣла. И мы съутѣшеніемъ и радостію можемъ сказать, что немало добраго сдѣлано тобою, при помощи Божіей, какъ служителемъ Церкви Божіей. Ты былъ пастырь добрый, ревностный, съ благоговѣніемъ совершалъ дѣло свое, съ ревностію проповѣдывалъ слово Божіе, ты заботился и о благолѣпнн храма Божія. А вотъ недалеко отъ храма стоитъ и школа, устроенная и открытая тобою, гдѣ съ любовію посѣввалъ сѣмена слова Божія въ

сердцахъ дѣтей пасомыхъ твоихъ, и пасомые, благодарные тебѣ за такое благодѣаніе, помолятся за тебя. Ты былъ нѣжный отецъ, добрый мужъ, почтительный сынъ, — все это даетъ намъ надежду, что ты съ пользою проводилъ время жизни своей и соткалъ одежду для души своей.

Но особенно радуется насъ то, что Господь сподобилъ тебя съ покаяніемъ, по-христіански окончить жизнь свою и причаститься предъ смертію Тѣла и Крови Христовой. Христосъ въ тебѣ, и ты во Христѣ — какое счастье можетъ быть выше сего? Иди же съ миромъ ко Христу, Которому съ любовію ты служилъ въ высокомъ пастырскомъ званіи своемъ. Пастыреначальникъ Христосъ да проститъ всѣ прегрѣшенія твои и да упокоитъ духъ твой во обителяхъ Своихъ.

Памяти священника В. В. Руднева.

(† 5 марта 1902 г.).

Замолкло пѣніе, — и прахъ
Принять готова ужъ могила...
Твоя здѣсь, Боже, власть и сила, —
А нашъ — лишь малодушный страхъ!

* * *

Какъ всадникъ призрачный, незримо
Смерть все живущее разить, —
И намъ безжалостно грозить,
И къ намъ придетъ неодолимо.

* * *

О, горекъ, горекъ смерти день!..
То-ль насъ за гробомъ ожидаетъ,
На что съ отрадой уповаешь
Душа? Иль беззаконій тѣнь

* * *

Своими мрачными крылами
Для тѣхъ, чьи грѣшныя уста
Твердили имя лишь Христа
И кто жилъ врозь съ его дѣлами,

* * *

Входъ въ царство Божье преградишь?!
Слезамъ плачущей сунури
Усопшій братъ намъ говорить:
«Молитесь, сродники и други!»..

* * *

«Молитесь, братья, да Спаситель,
Податель жизни и щедротъ,
Меня отъ смерти призоветъ
Въ Свою небесную обитель», —

* * *

«Туда, гдѣ жизнь и все — Онъ Самъ,
Гдѣ духъ смущенный мой восприметъ
И какъ орелъ на землю взглянетъ
Съ высотъ, недостижимыхъ вамъ!»

* * *

«Молитесь пламеннѣе, братья,
Не лицемѣра не, снѣжа, —
Коль вамъ близка моя душа, —
Чтобъ Божьи ей открыты объята!»

* * *

«Молясь же, помните, друзья,
Что все земное — область тѣнныя;
Лишь въ красотѣ души — спасенье,
Лишь въ Богѣ — правда бытія!»

Л. Денисовъ.

Почувствовать руку Божию и принять ее

СТО номеров
«Лампады» –
зеркало жизни
храма и его
прихожан

Лариса Беляева
Фото автора

Маленьким Максим всегда охотно бывал у своей прабабушки Евдокии Петровны, оставался ночевать и, просыпаясь ночью, часто видел ее молящейся. Она почти не ходила в храм, в ту пору ей было уже за восемьдесят, однако помнила все церковные праздники. Однажды на чердаке ее дома Максим увидел какие-то разрозненные листки. Когда их собрали, получилось Евангелие. Так состоялось первое знакомство со Священным Писанием. Воистину у Господа ничего случайного не бывает: казалось бы нечаянная находка определила линию жизни Максима Казакова.

На исходе прошлого века, лишившись родной страны, идеи, на которой держались государство и общество, люди стали искать себе опору. Без опоры человеку нельзя, иначе его начнет шатать из стороны в сторону. И опора пришла, точнее, она была всегда, но одни об этом не подозревали, другие забыли, а иные делали вид, что это вообще не к ним. Опора эта – Господь, Его Учение, Его Церковь.

Кто только ни пытался лишить нас нашей основы! Каких только «радителей» и «проповедников» ни принимали наше национальное радушие, доверчивость и неосведомленность... Не обошла стороной «мода на религию» и Максима Казакова: но от кришнаитов отвратила их симпатия к наркотикам, библейская школа адвентистов седьмого дня ничего не дала ни уму, ни сердцу. Православная душа юноши продолжала искать...

Первую исповедь студента Академии водного транспорта Казакова выслушал священник Артемий Владимиров

(он, к слову, сегодня гость журнала). С этого времени Максим стал регулярно посещать богослужения. Но случилось, что, заболев, Максим какое-то время вынужден был пользоваться костылями и из-за этого не смог ездить через весь город во Всехсвятский храм. А тут по соседству недавно открылась Знаменская церковь, и вопрос был решен.

Как-то настоятель отец Георгий благословил Максима помочь в алтаре. Пожалуй, именно тогда студент светского вуза понял, где его настоящее место. Дипломированный инженер Казаков стал трудиться в храме: сторожем, чтецом, певцом, регентом, преподавателем Закона Божия, почти десять лет нес послушание директора воскресной школы. Первые номера «Лампады» тоже не обошлись без его участия.

Когда отец Георгий сделал предложение Максиму подумать о священстве, тот принял его как естественное, ибо и так уже не представлял себя вне церкви. В 1998 году он был рукоположен в сан диакона, а в 2002 году – в священника, стал клириком Знаменского храма. К тому времени была окончена и духовная семинария.

Отец Максим молод, но жизнь его уже наполнена значительными событиями. Четверо детей, новое жилище, просторнее (под Зеленоградом), новое, в связи с переездом, место служения (Никольский храм в Зеленограде и приписанные к нему храмы и часовни), окормление школы-интерната и детского дома. В 2011 году отец Максим назначен еще и настоятелем возводимого по «Программе-200» патриаршего подворья, храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в Александровке, на окраине Зеленограда.

Уже возведены стены, установлен купол с крестом, но впереди еще огромная работа, требующая немалых

Так когда-то отец Георгий выпустил в большую жизнь будущего отца Максима

средств. Чтобы можно было отправлять службу в холодных бетонных стенах, внутри установили палаточную церковь, которую обогревают тепловые пушки. Храм не достроен, но уже действует воскресная школа, создано молодежное движение.

Управляющий Северо-Западным викариатством архиепископ Егорьевский Марк благословил временно оборудовать в доме причта домовую церковь, и в ближайшее время здесь начнется полноценная литургическая жизнь.

Да! Вот еще что. Еженедельно батюшка служит молебны в соседнем роддоме, проводит беседы с молодыми мамами, крестит новорожденных. Сметется: готовлю новых прихожан.

Свой жизненный путь, на который священника Максима призвал Господь и наставил отец Георгий, он считает единственно верным, полезным для своего спасения и спасения доверившихся ему людей.

Фото из личного архива священника Максима Казакова

А начинали с автомобильных покрышек

Православная община в ховринском храме образовалась в 1991 году, причем довольно быстро – как только храм был передан Русской Православной Церкви. Это стало неожиданным событием для семьи Кузнецовых, которые в те годы жили неподалеку и часто ходили гулять с детьми в соседний Грачевский парк. Как-то увидели объявление, зовущее на суббота по расчистке территории вокруг храма. Пришли помочь и... остались.

Память восьмилетнего Олега Кузнецова сохранила картину, как они с настоящим отцом Георгием перекачивают старые покрышки к мусорному контейнеру, а бабули передвигают остовы грузовиков. Однажды батюшка подошел к трудникам Кузнецовым со словами: «Бросайте ваши метелки, сейчас будет молебен». Они знать не знали, что это такое, но приглашение было интересным. Вскоре дети – Олег и его сестра Елена – стали посещать занятия в воскресной школе, а мальчика батюшка к тому же благословил помогать в алтаре. Так тот стал алтарником, потом – звонарем и с радостью стал нести другие различные послушания. А там и вся семья воцерковилась.

Через какое-то время Кузнецовы получили новое жилье, и им пришлось покинуть Ховрино. Но Церковь, куда они вошли через врата Знаменского храма, уже осталась в их жизни навсегда. Когда пришло время выбирать профессию, Олег стал было подумывать о духовном пути. Но в итоге оба пошли по стопам отца – художника. Александр Григорьевич преподает в Московском государственном академическом художественном институте им. В.И. Сурикова, куда, поискав сначала «что-то свое», в итоге пришли и Елена с Олегом. Она выбрала монументальное искусство, он – станковую живопись. Сейчас Олег учится в аспирантуре, в мастерской братьев Ткачевых. В его живописных работах преимущественно русские пейзажи, но привлекают также исторические темы и портреты. Участвует в выставках.

Елена еще в институте увлеклась искусством мозаики и витражей. На последних курсах вместе с другими студентами работала над мозаичным оформлением нового входа на станцию метро «Маяковская». Теперь, когда учеба позади, оба полностью отдают себя любимому делу.

Важным творческим этапом стало для Елены участие в создании мозаичных панно в интерьерах Пензенского драматического театра, напольной мозаичной старинной карты Евразии. Она много работает над украшением интерьеров. Иконы, выполненные братом и сестрой, можно увидеть в храмах Москвы и Подмосковья, в Морском соборе Кронштадта.

Больше всего Елену и Олега влечет церковная тематика, в этом они видят свое служение Богу, Церкви и людям. Со сво-

ми единомышленниками создали студию «Новая Византия».

Нередко случается, что мы возвращаемся на прежнее место в новом качестве. Настоятель Знаменской церкви в Ховрине протоиерей Георгий (тот самый, с кем Олег в детстве таскал старые покрышки) сделал Кузнецовым предложение, которое молодые художники приняли с радостью. Сегодня наружные стены родного им Знаменского храма украшают мозаичные образы святителя Николая, великомученика Георгия Победоносца и священномученика Евграфа. Весной прошлого года художники завершили работу над мозаичными, тоже ростовыми иконами новомучеников архимандрита Амвросия (Астахова) и протоиерея Александра Левитского, которые когда-то служили в этом храме.

На вопрос о планах на будущее Елена и Олег улыбаются: «Украшать храмы, рожать детей. Деток учить, в церковь приводить».

«Аще не была крещена...»

Всю свою советскую жизнь Капитолина Николаевна Леонова проработала учительницей, а в школе, как известно, любые разговоры о вере были под строжайшим запретом. Да как-то и не думалось о Боге: муж, дети, работа, потом вот пенсия... В середине 90-х ее подруга стала ходить в храм и рассказывать о Церкви, о христианстве, о вере. И Капитолина Николаевна последовала ее примеру. Несколько раз попадала на службу к священнику Георгию Лылову и сразу расположилась к нему. Но она не знала, была ли крещена в детстве. Допускала, потому что помнила: мама ей говорила, когда она возвращалась от бабушек из деревни домой: «Ты все время молилась и билась лбом об пол». Но, может быть, это было всего лишь детское подражание набожным старшим?

Батюшка отправил ее в Патриархию за благословением на Святое Крещение. И вот солнечным февральским днем 1997

года отец Георгий Лылов совершил над Капитолиной Николаевной Таинство, произнеся необходимые для данного случая слова: «Аще не была крещена...». Неожиданно спросил: «Может быть, вы хотите, чтобы я стал вашим духовником?». К сожалению, окормление продолжалось недолго: отца Георгия призвал к Себе Господь.

Постепенно за Капитолиной Николаевной потянулась вся семья. Она стала беседовать с мужем о вере, о духовной жизни. В храм ходит редко: болеет; но исправно молится дома. Сын полюбил православную девушку и крестился, а наследника окрестили уже сразу как родился. Крестилась и дочь.

Узнав, что я встречу с отцом Максимом, Капитолина Николаевна попросила передать ему поклон. Оказалось, оба были в одной школе: он – учеником, она – учительницей. А теперь бывший ученик – духовный наставник...

Капитолине Николаевне уже за семьдесят, по нездоровью, ходит в храм нерегулярно, но после службы обязательно остается помочь в уборке.

Такая вот простая история...

Пока светят лампы...

Множество учителей и проповедников прежних веков могли только мечтать о всеобщей грамотности. Чтобы все крещенные люди умели читать?! Чтобы все были образованны?! Да это же фантастика! И вот мы живем в эти времена фактического превращения сказки в быль. Однако что же, принесла нам ожидаемую пользу всеобщая грамотность? Трудно ответить категорично. Конечно, самолеты летают, высотные дома растут, технологичные проекты осуществляются в том числе и благодаря высокому уровню общей грамотности. Но взгляните в то, что читают люди. Аналитика книжного рынка говорит о том, что доля пустых детективов, гороскопов, оккультных книг и всякого прочего из разряда «как стать красивой», «как влиять на людей» и «как заработать первый миллион долларов» — огромна. Все остальное, что выше пояса, что не о здоровье и что не тешит тщеславие, плетется сзади в виде нелюбимого дитяти. Это — обратная сторона мечты. И тут учителя Церкви, видя людей поголовно грамотными, но пользующимися грамотой однобоко и не для славы Божией, опечалились бы.

Грамотность двояка. Она подобна лекарству, которое, как известно, если не может отравить, то не может и вылечить. Лекарство и яд отличаются лишь пропорциями, а также целью и способом применения. Святой Косма Этолйский всюду, где проповедовал грекам, стонущим под турками, велел им строить школы. Он понимал, что безграмотный народ — это раб по определению, а саму грамотность видел средством познания Бога. Читать Писание, получить ключ для обретения высоких знаний, молиться по книгам — вот что такое образование в его понимании. И вместе с тем он говорил: «Беда к вам придет от образованных», имея в виду, что ложные грамотеи насадят ложные ценности и этим отравят миллионы

сердец. И еще он говорил: «В школах будут со временем учить такому, что на голову не налезет». И это мы тоже видим собственными глазами. То есть школы стройте, но ложной грамотности бойтесь. Грамоту осваивайте, но не всякому печатному тексту кланяйтесь. Интересно, согласился бы святой Косма учить грамоте человека, который ничего, кроме телевизионной программы и гороскопов, читать во всю жизнь не будет? Вопрос открытый.

Эти строки пишутся с целью поздравить «Лампаду» с ее сотым номером. В тех условиях, когда печатной продукции много, а почитать нечего; когда киоски Роспечати пестрят гляncем, но далеко не каждый найдет там журнал себе по сердцу, — в этих специфических условиях издатели христианской литературы и периодики представляются пчелками, собирающими мед для уст богатых и бедных. Это вам не времена самиздата, когда усилиями цензуры любое слово о Боге и Церкви, написанное на полях газеты, напечатанное петитом на папиросной бумаге, автоматически превращалось в свя-

тыню и слово истины. Когда свободное слово под запретом, цена слова растет неимоверно. В иные времена слово девальвируется до пустого звука. Попробуй-ка попроведай в таких условиях. И вот, наше время — время мнимой свободы и информационного пресыщения. В это время говорить о Господе, свидетельствовать о воскресшем Христе, возвещать грядущее Царство особенно трудно.

Смысл христианской проповеди, содержание ее не меняются. Но вот упаковку нашей продукции, стиль обращения к читателю, выбор тем и тональность общения должны быть таковы, чтобы современник, открыв случайно любой наш (церковный) журнал и пробежав взглядом по нескольким строчкам, уже не оторвал глаз до самой последней страницы. Вот этого умения говорить умно, но не сложно; говорить то, что нужно, но в режиме скорее дружбы, чем назидания, хочется пожелать не терять «Лампаде».

Лампада — это ведь не театральная рампа и не прожектор на стадионе. Это именно лампада — небольшой светильник, дающий мягкий и скромный свет. Свет, которого, однако, довольно, чтобы сказать: «Абсолютной тьмы не существует».

С юбилеем, и еще как минимум 100!

Протоиерей Андрей Ткачев

СКРЕПЫ

Если не хочешь впасть в раздражительность и злопамятность, то отнюдь не имей пристрастия к вещам и не заботься о них чересчур.

Авва Дорофей

Откровение

СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОЙ ГОЛГОФЫ¹

Наша первая встреча произошла в последние дни лета 1994-го сразу после праздника Успения Пресвятой Богородицы на Соловках – в монастыре, главный собор которого посвящен Преображению Господню. В таких местах случайных встреч не бывает. Как сказал через полгода отец Герман, когда брали у него благословение на совместную работу: «Зачем вам мое благословение? Вас Господь благословил». Я ездила на Соловки в конце 80-х – начале 90-х несколько лет подряд, и уже казалось, что не смогу без них жить и буду возвращаться туда каждое лето, а сложилось так, что вернулась только спустя 18 лет, со взрослыми детьми... Такой срок – на исполнение благословения, о котором шла речь с отцом Германом. В августе 1994-го Юрий прилетел на Соловки на два дня, чтобы поделить радость с друзьями – привез только что опечатанный в Италии альбом в открытках с его образами возрождавшегося монастыря. 29 августа утром я впервые попала на Заяцкий остров. Вернулась оттуда в состоянии, когда все внутри переворачивается так, что напрочь теряешь чувство притяжения к земле. Переживание, знакомое многим почитателям этого святого места. И вечером в гостях у друзей впервые уви-

¹ Тексты воспроизведены из книжки-альбома «Много званых», посвященного памяти художника. (Издатели: Екатерина Данилова (Холдина), Фонд «Фрески Руси». 2014).

Господь отмеривает человеку земной путь в зависимости от того, что он уже совершил или чего, по счастью, не успел натворить. О фотохудожнике Юрии Холдине можно сказать с полным правом: он выполнил свою земную миссию. А почему ушел так, по нашим меркам, рано – в 52 года – и вдруг – сорвавшись с 12 этажа во время съемки, – тайну эту нам, грешным людям, надо принимать со смирением.

дела Юру. На фоне моего необычного состояния он был, казалось, охвачен радостью, но какой-то, по мне тогда, «очень мирской». Играл на гитаре, пел бардовские песни. Его энергия и открытость меня, конечно, поразили: «Какой яркий человек, но из какой-то совсем другой жизни...» – подумала тогда я. Когда уходила, он метнулся провожать: «Неужели мы больше не увидимся?» – «Как Бог даст». И все. Этим могло все закончиться. Но в Москве, недели две спустя, он через общих друзей напомнил о себе и нашел повод встретиться со мной. И мгновенно, не давая времени на раздумья, стал включать меня в дела, которыми сам горел. Причем – с таким упорством, уверенностью, непосредственностью и силой творческого обаяния, что на отказ или даже незначительную рефлексивную реакцию не оставалось никакого шанса. В его увлеченности идеей чувствовалась несомненная правда – та, которая от Бога. Целый год перед встречей с ним я была занята книгой, посвященной исследованию богословских начал в творчестве, в искусстве. И в том, что он мне предлагал, – будто на практике испытание того, чем я долго занималась теоретически. С аналогичной стремительностью и напором он сделал мне предложение стать его женой. Времени на time out он не оставлял: ждать было не в его характере. Не желая в этом вопросе торопиться и не зная, что делать, я в начале Рождественского поста повезла его в Перedelкино, к отцу Илию. Батюшка сказал: «Поговорим после Пасхи». На Рождество Юра предложил снова поехать к отцу Илию, теперь уже в Оптиную пустынь. Ходили каждый день на службы, пытались поймать батюшку – и безрезультатно. Дня через три отец Илий, пробегаая мимо меня, спросил: «Когда уезжаете?» – «Как только с вами поговорим». Батюшка тут же остановился, сел рядом с нами на лавку в храме, а Юра: «Благословите нас венчаться сейчас. Зачем ждать до Пасхи? Вопрос-то решенный. И пока эта история не завершится, я не могу ни о чем думать, а это мешает работать. Все

дела стоят». Батюшка рассмеялся: «Вот приеду после Крещения в Москву, тогда поглядим». Так получилось, что приехал он 28 января вечером и после субботней всенощной сказал: «Завтра вас повенчаем».

Екатерина Данилова (Холдина)

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

Благодаря Юрию Холдину мы получили возможность впервые в предельной полноте пережить мир фресок Дионисия Мудрого. Встретиться лицом к лицу с росписями храма Рождества Богородицы в Ферапонтове. Увидеть их сквозь толщу столетий, преодолеть физическое и духовное пространство, разделяющее нас с великим мастером.

На мастер-классах Юрий Холдин сравнивал свою работу с переводом – с языка искусства фресковой живописи на современный язык искусства светописа. Он добивался художественной точности и смысловой адекватности этого перевода. И тем самым расширил возможности фотоискусства. В то время как реальность поставлена под сомнение и подменяется манипуляцией с ней в цифровой фотографии, Холдин в своих работах свидетельствовал о реальности. Не только реальности фресок, но и той истины, что они являют.

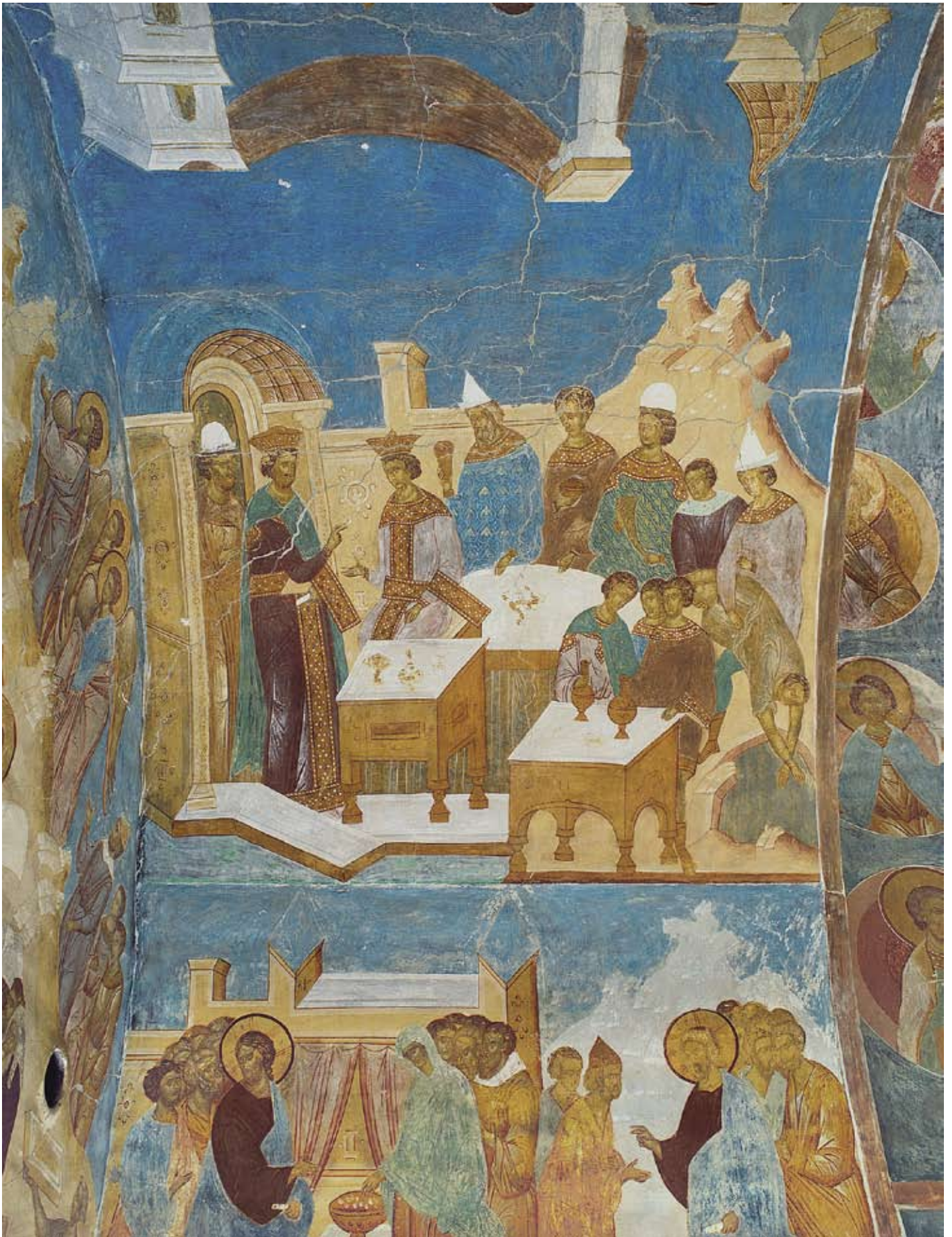
Жанна Васильева

ПРЕЕМНИК ДИОНИСИЯ

Обычно слово *служение* в мире искусства мы применяем к писателям, к поэтам, иногда – к живописцам. Но никогда еще, кажется, не применялось оно к фотохудожнику. А вот в данном случае – вполне применимо. Жизнь Юры была творческим горением и *служением*. Разумеется, не все это понимали в полной мере. Но теперь, осваивая его художественное фотонаследие, проясняем мы для себя, насколько же оно значительно. Сто лет назад Игорь Грабарь и Александр Бенуа вдруг поновому открыли России искусство Древней Руси. Фоторабота Юрия Холдина над фресками Дионисия – сродни той, начала прошлого века...

Юрий Кублановский

Притча о званых на брачный пир

Паломник

Лодки

Иван Козлов: слепые глаза и зрячая душа

— **О** Козлове я узнал не из книг и не из уроков литературы, а из фильма Василия Макаровича Шукшина «Калина красная». Картина начинается концертом самодеятельности в колонии строгого режима. Помните, ведущий объявляет: «А сейчас хор бывших рецидивистов исполнит вам задумчивую песню “Вечерний звон”»?

– Не все знают, что это не оригинальные стихи Козлова, а его великолепный перевод из английского поэта Томаса Мура. Кстати, и музыка песни восходит к старинным английским мелодиям.

– А сейчас пишут в Интернете: «Вечерний звон. Русская народная песня».

– Это еще раз говорит нам о том, что мировая культура – один сад. Там границ и заборов нет. К счастью.

– В России так сложно и нередко трагично устроена жизнь, что поэт часто не успевает дожидаться своей славы. Иван Козлов – удивительное исключение из этой печальной традиции...

– Да, это точно! В 1820-30-е годы Иван Иванович Козлов пользовался славой не меньшей, чем Пушкин или Жуковский. Его стихи издатели-книгопродавцы и журналисты, как говорится, таскали из-под пера. По пять рублей за строчку платили только Пушкину и Козлову.

– Жуковский не дотягивал до такого гонорара?

– Нет, у него они были скромнее. В конце 1820-х годов Пушкин и Козлов были в нашей литературе как небожители. Редкий альманах обходился без их стихов. Не только литераторы, но все образованное общество, включая высший свет, ценили поэзию Козлова не менее, чем пушкинскую.

– Но не было ли в этом экзотического любопытства? Слепой гений, слагающий стихи не прикасаясь к бумаге, – это ведь и правда феноменальное явление как в русской, так и в мировой поэзии.

– Возможно, кого-то привлекала трагическая необычность положения Козлова, но это было все-таки не лю-

бопытство, а искреннее восхищение мужеством поэта. Он был ярким примером того, как сила Божия в немощи совершается. Кроме того, стихи Козлова – это действительно поэзия высшей пробы. В ней современников привлекала невероятная, сравнимая только с пушкинской, энергия. Читателей поражало богатство образов, гибкий ритм, глубокое чувство, а кроме того – очень значительное и редкое для поэзии того времени качество – бескомпромиссная и твердая православность и почти полное отсутствие характерных для поэтического стиля эпохи языческих – античных, оссианических, восточных – мотивов. Козлов, при обычной для дворян той эпохи широкой европейской образованности, был духовно зрелым, живущим церковной жизнью православным христианином.

– В чем это проявлялось?

– В обычном для христианина укладе жизни: Козлов читал ежедневные молитвенные правила, Евангелие, соблюдал посты, посещал церковные службы – его, парализованного, привозили в кресле-самокате, которое ставили в алтаре. Конечно же, он причащался Святых Христовых Таин. Будучи слепым, он имел колоссальную память. С одной стороны, он знал наизусть, как сообщают мемуаристы, всего Байрона, лучшие места из Шекспира и огромное количество творений поэтов на нескольких языках, с другой – мог прочесть наизусть все Евангелие! Все необходимые каноны, акафисты, правила, последования, молитвы хранились в его памяти. Но он любил

при этом, чтобы его дети, а иногда ближайшие друзья читали ему священные тексты вслух.

– Сейчас его жизнь назвали бы жизнью миссионера. Своим примером он, очевидно, возвращал людей к Богу.

– Да, у него был дар духовной речи – письменной и устной. Им зачитывались, его выступлениями заслушивались. Козлов получал огромное количество писем. Ответы диктовал дочери, ставшей его верным секретарем. В его в петербургской квартире собирались все известные нам ныне поэты и множество людей разных занятий – издатели, художники, композиторы, музыканты, певцы, представители высшей аристократии, приезжие знаменитости. Козлов был в центре умственной и культурной жизни Петербурга. Его навещали Жуковский, Батюшков, Пушкин, Боратынский, Дельвиг, Вяземский, Гнедич, Крылов, Зинаида Волконская, Ростопчина, Грибоедов, Лермонтов, братья Виельгорские, Даргомыжский, Глинка, Кипрен-

¹ Две предыдущие беседы – о Лермонтове и о Фете – были опубликованы в 5 и 6 номерах прошлого года.

ский, Адам Мицкевич... Он держал на себе круг.

– **Понятно, что все сочувствовали поэту, попавшему в такую ситуацию...**

– Нет, тогда никому не пришло бы в голову назвать Козлова инвалидом или человеком с ограниченными возможностями. Он привлекал всех не как страдалец, а как личность. Многих поражали в то время его духовные стихи, исполненные необыкновенной силы. Это, например, смелый и блестящий перевод стихотворения святителя Григория Богослова (Назианзина) – «Элегия. Вольное подражание св. Григорию Назианзину», 1830 года. Столь же поразительны две стихотворные молитвы Козлова 1833 и 1839 годов.

Во время бесед он создавал высокую атмосферу мысли и духа. Разговор его был разнообразен, касался всего наиболее важного в жизни. Выезжал и он на вечера – к Жуковскому, Воейковой, Оленину, мастерски читал там свои новые стихи, беседовал, и никто не замечал, что он испытывает постоянные страдания. Он этого никогда не показывал.

– **С кем из своих современников поэтов Козлов был наиболее близок?**

– Думается, что с Жуковским. Так получилось, что именно Козлов помог Жуковскому прийти к Православию. Ведь Василий Андреевич долго увязал в болотах немецкого и английского романтизма, где смешаны были пантеизм, протестантизм, какие-то архаические верования, разные поэтические домислы. Жуковский был человек добрый, он верил в Бога, но как деист, хотя бывал в церкви и даже причащался (он был крещен). И вот, оказавшись возле Козлова, он освободился от ненужной шелухи. Жуковский сильно запоздал, но в 1840-е годы, уже после кончины Козлова, с помощью Божией, пришел к чистому православию и на смертном одре удостоился благодатного видения: Христос благословлял его жену и детей.

– **Давайте напомним нашим читателям о вехах судьбы Ивана Козлова, ведь в школьном курсе литературы о поэте в лучшем случае лишь упоминают.**

– Да, ныне, увы, забыта жизнь поэта, его двадцатилетняя борьба с недугом, жизнь поучительная, яркая, мученическая в христианском смысле. А родился Козлов в Москве. Отец и мать его относились к родовитому, но обедневшему дворянству. Иван приобрел замечательное домашнее образование. Таланты его были разнообразны. Например, он считался в Москве лучшим танцором и на балах открывал танцы в первой паре. Писал он уже и тогда стихи, но сохранились только некоторые из них, написанные на французском языке. Во время нашествия войск Наполеона он служил в Московском комитете по народному ополчению...

– **И ничто не предвещало болезнь?**

– В ту пору еще ничто не предвещало, но около 1817 года он был уже частично парализован и постепенно потерял способность самостоятельно передвигаться. В 1817 году он писал Сергею Ивановичу Тургеневу: «У меня отнялись ноги. Надеюсь на милость Бога, Который, как говорится в Писании, заботится и о выпавшем из гнезда птенце».

Козлова ждала еще и потеря зрения. К 1821 году он окончательно ослеп.

– **Тогдашняя медицина ничем не могла ему помочь. Поразительно, как поэту удалось избежать уныния...**

– Он не только не поддавался унынию, и даже более – сила его души возрастала с увеличением его телесных страданий. Ко времени выхода в свет поэмы «Чернец» (два издания в 1825 году) Козлов уже входит в круг самых талантливых поэтов. Пушкин, получивший от него в подарок «Чернеца» в Михайловском, ответил ему стихами:

*Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее возрел,
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.
О, милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им...*

– **Как же все-таки Козлов сочинял? Как проходил процесс творчества, если он сам не был способен записать ни одной строчки?**

– Вечером он не спешил в постель. Родные спали, а он работал. Он часто вовсе не спал до утра, чтобы не забыть сочиненное. Дождавшись, когда встанет дочка, он диктовал ей готовые стихи, а потом уже засыпал. Его друг П.Ф. Балк-Полев вспоминал позднее, что Козлов «...употреблял бессонные для него часы на сочинение стихов. Не имея возможности взять перо в руки и начертать им сочиненное, он обязан был сохранить про себя составленные им стихи. Но этого мало. Каково бы ни было первое вдохновение, редко оно истекает в совершенстве из ума. Нужно поправлять, переделывать стихи, прибегать к ним лучшие изречения, изменять слова. Все это легко тем, кто может писать. Какая сильная, непреклонная воля нужна, чтобы все препятствия преодолеть. Целые песни поэм или повестей, каковы «Чернец», «Княгиня Долгорукая», «Безумная», придуманы или изобретены, составлены и совершены во внутреннем мире... Двадцать лет он жил без ног, восемнадцать – без зрения, и в течение этого времени он собрал на поприще жизни те неувыдаемые цветы, те плоды обильные стихотворства, которые составляют венец его бессмертия...».

– **Говорят, что Козлов вел дневник?**

– Да, это было, очевидно, удивительное произведение, но после смерти поэта его дневник подвергся варварскому растерзанию. Сохранились лишь немногие страницы за некоторые годы. И почти все эти записи посвящены молитвенной жизни. Очевидно, поэтому он не попал в поле зрения исследователей в советское время.

– **Как завершился жизненный путь поэта?**

– Козлов скончался после десятидневной болезни 30 января 1840 года. Тютчев прислал на имя дочери Козлова письмо, но сохранился только конверт, а на нем приписка рукою Тютчева по-французски: «Александре Ивановне Козловой. Спасибо за письмо, я не знаю человека, который не испытывал бы страха небытия, который овладевает нами при встрече с невозвратимым прошлым, как все то, что нам остается от Ивана Козлова, столько было истинной жизни в этом человеке».

ИЗ ДНЕВНИКА ИВАНА КОЗЛОВА

«Февраля 19 (1835 г.) я лег спать с душой, преисполненной нашего Божественного Спасителя. Отец Константин служил эти 4 дня ефимоны. Нет ничего прекраснее этого канона покаяния» (имеется в виду Великий канон св. Андрея Критского – Д. Ш.).

«Апреля 15. Великий Четверг (1837 г.). Я проснулся в 4 часа, а в 5.30 был уже в церкви... Меня поставили в алтаре. Я прослушал утренние правила, Литургию, прекрасно отслуженную, – с великим и чудным Евангелием Св. Матфея о начале страданий Христа; отлично пели “Вечери Твоея тайныя...” Я имел небесную радость – причаститься. Господь Иисус Христос видит душу мою».

«Декабря 23. Святой и прекрасный для меня день. Я проснулся молясь. Жена, сын мой и дочь принесли мне мой образ Всех Скорбящих Радости. Перед ним я молился и прикладывался. Потом, благодарение Богу, духовник мой, достойнейший отец Петр принес мне Святое Причастие, которое моя жена и мои дети встретили у две-

рей, стоя на коленях. Молодой певчий и священник пели входя в мою комнату, и я имел радость принять Тело и Кровь Иисуса Христа, Господа нашего, во оставление грехов, во исцеление души и тела и в жизнь вечную».

«Декабря 22 (1838 г.). Это – один из прекраснейших дней моей жизни, я провел ночь в молитве. Пришли мне прочесть утренние правила, чудные молитвы, затем дочь моя принесла мне мой образ Божией Матери Всех Скорбящих Радости. Я к нему прикладывался с пламенной любовью, затем мой духовник соблаговолил меня исповедовать и удостоил меня, грешного, причастия Тела и Крови Спасителя нашего Иисуса Христа. Ты, мой Господь, видишь сердце мое».

«Декабря 20 (1839 г.). Новгородская Богородица, Которую я видел во сне и Которой образ у меня имеется... С дочерью я читал Евангелие – “Благословенна Ты в женах” и “Величит душа моя Господа”, я молился пламенно».

Из стихотворений
Ивана Козлова

МОЯ МОЛИТВА

О Ты, Кого хвалить не смею,
Творец всего, Спаситель мой;
Но Ты, к Кому я пламенею
Моим всем сердцем, всей душой!
Кто, по Своей небесной воле,
Грехи любовью превозмог,
Приник страдальцев к бедной доле,
Как друг и брат, Отец и Бог;

Кто солнца яркими лучами
Сияет мне в красе денной
И огнезвездными зарями
Всегда горит в тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный,
Кто нас спасает от сетей
И ставит против тьмы греховной
Всю бездну благодати Своей! –

Услышь, Христос, мое моление,
Мой дух Собою озари
И сердца бурного волнение,
Как зыбь морскую, умири;
Прими меня в Свою обитель:
Я блудный сын – Ты Отче мой;
И, как над Лазарем, Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крест мой ужасает, –
Страданье верою цветет,

Сам Бог кресты нам посылает,
А крест наш Бога нам дает;
Тебе вослед идти готовый,
Молю, чтоб дух мой подкрепил,
Хочу носить венец терновый, –
Ты Сам, Христос, его носил.

Но в мрачном, горестном уделе,
Хоть и без ног и без очей, –
Еще горит в убитом теле
Пожар бунтующих страстей;
В Тебе одном моя надежда,
Ты радость, свет и тишина;
Да будет брачная одежда
Рабу строптивому дана.

Тревожной совести угрозы,
О, Милосердый, успокой;
Ты видишь покаянья слезы, –
Молю, не вниди в суд со мной.
Ты всемогущ, а я бессильный,
Ты Царь миров, а я убог,
Бессмертен Ты – я прах
могильный,
Я быстрый миг – Ты вечный Бог!

О, дай, чтоб верою святою
Рассеял я туман страстей
И чтоб безоблачной душою
Процал врагам, любил друзей;
Чтоб луч отрадный упованья
Всегда мне в сердце проникал,
Чтоб помнил я благоденья,
Чтоб оскорбленья забывал!

И на Тебя я уповаю,
Как сладко мне любить Тебя!
Твоей я благодати вверяю
Жену, детей, всего себя!
О, искупя невинной Кровью
Винновыи, грешный мир земной, –
Пребуди божественной любовью
Везде, всегда, во мне, со мной!

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(Т.С. Вдмрв-ой)

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

1827 г.

КИЕВ

О Киев-град, где с верою святою
 Зажглася жизнь в краю у нас
   родном,
 Где светлый крест с Печерскою
   главою
 Горит звездой на небе голубом,
 Где стелются зеленой пеленою
 Поля твои в раздолье золотом
 И Днепр-река, под древними
   стенами,
 Кипит, шумит пенистыми
   волнами!

Как часто я душой к тебе летаю,
 О светлый град, по сердцу мне
   родной!
 Как часто я в мечтах мой взор
   пленяю
 Священною твоею красотой!
 У Лаврских стен земное забываю
 И над Днепром брожу во тьме
   ночной:
 В очах моих все русское прямое –
 Прекрасное, великое, святое.

Уж месяц встал; Печерская сияет;
 Главы ее в волнах реки горят;
 Она душе века напоминает;
 Небесные там в подземелье спят;
 Над нею тень Владимира летает;
 Зубцы ее о славе говорят.

Смотрю ли вдаль – везде мечта
   со мною
 И милою все дышит стариною.

Там витязи сражались удалые,
 Могучие, за родину в полях;
 Красною здесь цвели княжны
   младые,
 Стыдливые, в высоких теремах,
 И пел Баян им битвы роковые,
 И тайный жар таился в их
   сердцах.

Но полночь бьет, звук меди
   умирает;
 К минувшим дням еще день
   улетает.

Где ж смелые, которые
   сражались,
 Чей острый меч, как молния,
   сверкал?
 Где та краса, которой все
   пленялись,
 Чей милый взгляд свободу
   отнимал?
 Где тот певец, чьим пеньем
   восхищались,
 Ах, веций бой на все мне отвечал!
 И ты один под баинями святыми
 Шумишь, о Днепр, волнами
   вековыми!

1824 г.

В.А. Жуковский. С портрета масл. краск. худ. Гильдебрандта

ПОСЛАНИЕ ЖУКОВСКОМУ

Уже бьет полночь. Новый год, –
 И я тревожною душою
 Молю Подателя щедрот,
 Чтоб Он хранил меня с женою,
 С детьми моими – и с тобою,
 Чтоб мне в тиши мой век прожить,
 Все тех же, так же все любить...

О друг! Прелестен Божий свет
 С любовью, дружбою, мечтами;
 При теплой вере горя нет;
 Она дружит нас с небесами.
 В страданиях, в радости Он с нами,
 Во всем печать Его щедрот –
 Благословим же Новый год!

1 января 1832 г.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

(Из Байрона)

В кипеньи нежности сердечной
 Ты жизнью друга назвала;
 Привет бесценный, если б вечно
 Живая молодость цвела.
 К могиле все летит стрелою;
 И ты, меня лаская вновь,
 Зови не жизнью, а душою,
 Бессмертной, как моя любовь.

1828 г.

Киево-Печерская лавра

Антонина Арендаренко

Как не затеряться в этом мире

А хотя бы вот так. Переехать в поселок Бахта, что на берегу Енисея, в Туруханском районе Красноярского края, где до Полярного круга всего 500 км. Полсотни домов, чуть более 300 жителей, из которых лишь каждый пятый получает от государства деньги за свою работу или пенсию. Остальные живут рыбалкой и охотой. Первобытный образ жизни, кажется, вполне устраивает большинство из аборигенов и пришлых, хотя дни и времена года проходят в борьбе за хлеб насущный – кормят тайга и река. Один из них – мой давний знакомый, о котором было бы несправедливо сказать: «Михаил Тарковский, из семьи, известной по кино и поэзии»...

Ее Величество Тайга. И работа, и дом, хлеб насущный, увлечение, образ жизни, божество, прародительница и вечная любовь... Если таежника поставить перед выбором: тайга или семья, тайга или любимая, – выберет первое, такая это мощная, неизъяснимая связь. В этом царстве можно быть и хозяином, и подданным, в чем юный москвич Миша Тарковский убедился еще студентом-биологом и еще убеждался не раз, когда после МГУ работал на Енисейской биостанции в Туруханском районе. Потому-то и остался там насовсем. Хотя в столице на него автоматически работала бы знатная родословная: как-никак все-таки внук известного русского поэта Арсения Тарковского и племянник кинорежис-

сера с мировым именем – Андрея Тарковского.

Он открыл в себе охотника и захотел, как признается теперь, слиться с природой, жить среди безыскусных и потому понятных людей, дружить с ними, внимать им. Каждой московской весной, когда в туруханской тайге заканчивается сезон охоты, он приезжает в родной город. И мы встречаемся...

Думаю, что именно там, в тайге, он вырос в настоящего, крепкого литератора. Его рассказы и повести печатались в журналах «Юность» и «Новый мир», «Наш современник» и «Москва», в других известных изданиях. В серии «Мир современной прозы» вышел сборник «За 5 лет до счастья», а в последние годы, одна за другой,

еще несколько замечательных книг. Он дважды стал лауреатом литературных премий и представлял Россию на очередной Международной книжной выставке-ярмарке во Франкфурте с новой повестью «Кондромо» – это название одного из островов на Подкаменной Тунгуске.

Четверть века назад совсем молодой Михаил Тарковский опубликовал сборник стихотворений: тоненькая книжица, но переворачиваешь страницы с ощущением встречи со зрелой, подлинной поэзией. Правда, дедушка, Арсений Александрович, эту книгу уже не увидел, но первые поэтические опыты внука успел благословить. Михаил не любит вспоминать об этом, считая себя человеком вполне самостоятельным. Однако в стихах иногда прорывается, пусть с долей иронии, мотив предопределенности, наследования поэтического дара:

Мне оставлено наследство
от Гомеровы тени
До опасного соседства
замечательной родни.
Я не трогал ваши перья,
не вертелся у стола

Пьют, действительно, многие – полдереви и больше. Я спрашивал у соседки: почему? Говорит, прежде некогда было – работали. Конечно, много было и раньше нищеты и страха, но все же не как сейчас. Однако свой вековой уклад еще сохраняется, и это отчасти спасает. Слой таких людей уже тонкий; тех, кто разрушается, – больше. Пишешь об этом все время, это одна из моих больных тем. О таких «бедовых» – не то что интереснее – хочется показать, что они тоже люди.

вои, ложные кумиры создают ложные ориентиры. Я не завидую их тиражам, просто грустно и опасно даже, что эту виртуальную действительность выдают за явление культуры. И раньше такое было, но в меньших масштабах. Лично мне близок образ работящего, сноровистого мужика, на котором всегда и держалась Русь. Он мне, я считаю, как-то удается. Порой спрашивают: «Где вы их находите? Таких уже нет!». А в Сибири их еще много, там, видно, шел отбор, природа не дает расслабиться.

– Счастлива должна быть земля с таким народом.

– Должна... В том-то и трагизм, что эти люди часто не востребованы или низведены на уровень забот о животе своем. А в них заложено куда больше, даже художественность какая-то есть. Вспомните шукшинских героев. Вот мой друг Геннадий Соловьев – рыбак и охотник. Он часто дает мне дельные советы, сюжеты подсказывает, я дорожю его мнением. Я бы сказал: в таких людях какая-то тотальная талантливость.

Думаю, то, о чем говорит Михаил, приложимо и к нему самому. Он, например, одинаково талантлив и в поэзии, и в прозе, что бывает редко. Счастливо совпало или фамильное? Михаил словно предугадывает очевидный вопрос:

– Я уже не пишу стихов. Начинать с них, потом переключился на прозу. Стихи больше подходят юности, они ей сродни.

– А дедушка, Арсений Александрович, успел их оценить?

– Успел. Но, по-моему, был не очень рад. Наверно, считал, что перебор, когда два поэта в доме, – смеется мой собеседник. – Но советы давал и даже подписал книгу: «Мише, подающему надежды в стихах».

– Какой ценный автограф!

– Увы. Я ее утопил, на одном из перекатов, когда плыл на зимовку. Вместе с целым сундуком других книг. Но нашел в избушке томик Пушкина, с ним и перезимовал. И этого хватило...

Вместе с Михаилом перелистываю фотоальбом. Вот его дом на берегу Енисея, неземной красоты багровые откосы – железистые пески, здесь живет «царь-рыба» – осетр. Вот верные

И не рвался в подмастерья.
Но Она меня нашла.
Я узнал Ее по звуку крыл,
рождающих беду.
Я бы рад отдернуть руку, да не
я ее веду.
...Прибежавшая на лыжах, все
решившая сама,
Когда я еще не выжег на столе ее
клейма.

Это было написано еще при жизни Арсения Александровича, но уже там, в Бахте, где нашла Михаила Тарковского она, Муза, не пренебрегшая его новым окружением – отшельниками-охотниками, выпивохами и теми, кого сам он называет «бедовыми людьми». Но среда может заесть только слабого человека, а сильный живет по своим законам.

– Всегда в любой деревне есть люди, с которыми можно поговорить, свои мудрецы и праведники, – рассказывает мне Михаил. – Там есть костяк, который держится на крепких людях.

Пусть он и внешне непригляден, и пьют, но есть у него своя правда. Конечно, он очень грешен: Бог сотворил его иным, а он этот образ в себе замутняет. Но надо попробовать влезть в его шкуру, понять, почему он так живет. Это, кстати, традиция классической литературы – исследовать падшего человека, сострадать ему. Вспомните Достоевского: диавол борется с Богом, а поле битвы – сердца людей.

– Мне кажется, об этом пишут и сейчас, – вставляю реплику.

– Современную литературу я знаю неважно. Она мне неинтересна, – Михаил говорит убежденно. – Известные, модные, писатели отстоят от меня далеко, да я их книги читать не могу: не нравится, как и о чем пишут. Это, по-моему, продукт массовой культуры. Знаешь, как сформулировал Набоков? Страшны не детективы сами по себе, не бульварные романы, а подделка под серьезную литературу. Эта псевдолитература диктует моду, портит вкус. Сло-

охотничьи собаки на корме лодки нюхают ветер, рискуя свалиться за борт, вот маленький северный огородик и лица его соседей по затерянной в тайге маленькой Бахте. И по всему видно, что он любуется этими лицами и сам симпатичен этим людям, он там – свой.

– Вокруг нас очень много людей, которые прожили большую жизнь. И каждый – как книга. Не хватает мне слова, детали для какого-то образа – выхожу: дядя Гриша колет дрова. И начинает рассказывать. Здорово! А язык какой сохранился исконный, который там еще жив, слава Богу, – и люди прочтут, узнают. Причем у дяди Гриши он свой, и у бабушки Серафимы Ильиничны своя изюминка в речи. Она мне как-то рассказывала про кота, что от дома отбилась за кошками, а мыши тем временем одолели, и она говорит: «Со всем отрекся!». В одном слове столько смысла, весь характер! Я потом целый день его повторял. Это все, конечно, есть и у Астафьева, и у Распутина, но этот колодец неисчерпаем. Сибирь – это особенная жизнь, сибирский дух – он есть!

Тарковский уехал в Сибирь не просто «за туманом и за запахом тайги», но и от всего, что не принимает в сегодняшней жизни.

– Пошлость, придуманные ценности, которые не нужны человеку... Сколько было наработано хорошего, и так легко отдаются позиции!.. Ощущение, что человечество не знает, куда идет, занимается в основном разграблением Земли и междоусобицами. Литература бессильна что-то изменить... Сколько Чехов писал о бессмысленной пошлости жизни, сколько другие великие бичевали нравы, пороки и войны, а все становится только хуже и хуже. Сколько было споров: в чем цель человечества и есть ли прогресс? Но стало ли что-то яснее с помощью литературы? Когда читаем Толстого и видим, что его героев волновало то же, что и нас, хорошо на душе-то. Ощущаешь себя звеном единой цепи, – размышляет третий Тарковский.

Теперь в своей Бахте Михаил Александрович пытается реализовать эту идею – преемственности поколений. С помощью старожиллов создал музей местных умений и ремесел, где даже научиться можно тому, что с годами бу-

Друг Геннадий Соловьев, рыбак и охотник

дет утрачено. Старики учат мальчишек делать туеса из бересты – незаменимое в тайге дело, нужная вещь при сборе ягод, сохранении припасов свежими. А те, что постарше, приглядываются, как сладить лодку-долбленку, иное охотничье снаряжение. А еще он сотрудничает с Центрально-Сибирским биосферным заповедником, и в этой деятельности в нем счастливо соединились профессия и призвание: биолог, охотник и писатель. Конечно, заповедник, как и все, переживает не лучшие времена: давление на природу растет, а штат и зарпла-

та сотрудников, наоборот, сокращаются. Но трудности – как проверка на подлинность, считает Тарковский. Для самого Михаила такой проверкой стала жизнь в маленькой, затерянной в енисейской тайге Бахте. Здесь ему теплее, чем на родном московском асфальте.

Наверное, здесь можно было бы поставить точку. Но была встреча с Виктором Петровичем Астафьевым, о которой нельзя умолчать. Михаил описывает ее подробно в рассказе «Пешком по лестнице». Я приведу несколько важных для нашего случая строк:

«Потом спросил:
– Как дальше жить собираешься?
Все в Бахте?»

И сказал, что надо перебираться ближе, в город, – если литературой заниматься.

А я думал в это время про Бахту, что, когда уезжаешь, кажется, будто предаешь что-то важное. И вдруг Виктор Петрович сказал, что зимой, когда проезжает Овсянку по дороге в Дивногорск, видит свой дом и чувствует, как будто предал что-то».

Не правда ли, какое счастливое совпадение мыслей и чувств!

Михаил Тарковский

ПЕРЕД ОХОТОЙ

(Фрагмент)

1.

Дай адрес. Уезжай... Мой Енисей
В огнях судов и неподвижных створах.
С утра туман, шаги по гальке, шорох
Заклепок и пески в следах гусей.

Уже без шапки холодно, уже
На рыжий лес пикирует кедровка,
И бродит вдоль по острову верховка,
Как шкипер по оставленной барже.

Каюта. Блик воды на потолке.
Стук лодки под бортом у теплохода.
Рывок шнура и давняя свобода
До берега домчаться налегке.

2.

Седое утро. Груз на берегу.
Отставшая кричит в тумане ржанка,
И в красной куртке смотрит горожанка
С высокой палубы на серую тайгу,

На избы серые, на серый берег, где
Мотор в следах дождя и холод рукояти.
И лодка длинная, как «Песнь
о Гайавате»,
Уже стоит, качаясь на воде.

Широкий плес. Предчувствием шуги
Речную сводит кожу. Холодает.
И небо осторожно покидает
Косое облако с краями из фольги.

* * *

Охота... Я люблю, придя шатаюсь,
С горячими сосульками на лбу,
Сняв тозовку, ввалиться спотыкаясь,
В холодную и тесную избу.
Там печки неохотная работа,
И в полутьме тяжелый куль с крупой
Сбивает шапку, мокрую от пота.
Под тонкой и прозрачной скорлупой
Люблю фитиль в пылающей короне,
Капканов беспорядок на полу,
Стук льдышки в чайнике и шорох
в микрофоне

Холодной рации, вокруг трубы в углу
Распятые таежные доспехи.
Далекий, побеждающий помехи
Переговор товарищей ночной
И русской Музы строгий позывной.
...С утра собаки скачут на ветру,
Кусают снег и лают друг на друга,
Патронташа тяжелая подпруга
Подтянута на новую дыру.
Морозный воздух свеж, как нашатырь,
Горят верхушки лиственниц крестами,
И благовестит звонкими клестами
Тайги великолепный монастырь.

* * *

Я не уйду из камеры сонета,
Из плена неподатливой строки,

Пока его холодного скелета
Не переплавлю в золото реки

Далекого приснившегося лета;
Доспехов не разрушу в черепки
Прикосновеньем ласкового света
И бабушкиной сдержанной руки,

Не изотру в мельчайшие пылинки
О дядин уходящий силуэт
И слюдяные окна керосинки.

О пеночку, в струящейся березе
Поющую устало... Как поэт,
Уже давно тоскующий по прозе.

*Фото Александра Трифонова
и из архива героя очерка*

Об авторе. Антонина Арндаренко родилась в Сибири, в таежной деревне Низовая, что в северном Муромцевском районе Омской области. Выпускницу факультета журналистики Уральского университета им. М. Горького взяли на работу в Омский телерадиокомитет. С тех пор радиожурналистика стала ее любимым и главным делом. Позже, приехав к отцу, добывающему нефть на севере Тюменской области, работала в Нефтеюганске на местных радиостанциях до приглашения в штат на «Радио России». Автор и ведущая цикла передач о замечательных современниках – «Золотой запас России», на основе которого родилась книга с одноименным названием. Сейчас работает на телеканале «Культура» и на православной радиостанции «Радонеж». Ее голос знают и любят тысячи радиослушателей. А она успевает все: общаться с ними, заботиться о семье, заниматься воспитанием внука Вани и... как видите, даже собирать грибы.

«Есть счастье жить среди лесов...»

П аломническая тропа привела нас в мир Николо-Бережков, крохотное, в несколько дворов, село в километре от музея-усадьбы Александра Николаевича Островского, что в Щельково. Здесь в Никольском храме отпевали раба Божия Александра Островского, в церковной ограде на погосте покоится прах его и супруги.

Кроме нас с женой и ее сестрой, в этот день даже возле храма никого не было. Попытались войти вовнутрь – тщетно. Отошли, а вдогонку несется: – Дверь-то открыт вам?

У церковной стены, прикрывая глаза от солнца, стоял невысокий бородач, ждал ответа. Только что никого не было, и вот возник неожиданно, словно из-под земли. Так мы встретились со старостой приходской церкви и одновременно научным сотрудником музея Островского Андреем Николаевичем Ратниковым. В его внешнем облике было много привлекательного, располагающего. Крепкая стать, окладистая борода, цепкий выжидательный взгляд карих глаз («С чем пришли, господа хорошие?») выдавали в нем человека сильного, уверенно чувствующего себя на этой земле. А когда узнали фамилию, первое, что пришло на ум: символично и точно в десятку – именно такие, как он, ратники, наши далекие предки, когда-то защищали Русь от иноземцев. Кому же и чувствовать себя здесь уверенно, если не ему!

Андрей Николаевич оказался отличным рассказчиком. В его плавной речи оживали история, страсти и краски давних событий. Щельково и Николо-Бережки затерялись среди волжских лесных просторов. Когда-то первым эти места облюбовало финно-угорское племя по названию меря. От них дошло до наших дней множество названий окрестных речушек, рек, сел и городов: Мера, Кукша, Сендега, Кинешма, Решма... А потом поплыли столетия в мирном соседстве и постепенном культурно-бытовом слиянии со славянами.

Николо-Бережки хранят дух Островского. Здесь жил талантливый резчик по дереву Иван Викторович Соболев. Он делал иконостасы для окрестных церквей; став душевным другом Александра Николаевича, учил его столярному мастерству. (В музее-усадьбе, в кабинете писателя, экскурсовод по-

Андрей Николаевич Ратников

казала полочки, фотографии близких людей в ажурных рамках – всем этим и другими предметами мебели и украшений с удовольствием занимался Островский уже как мастер по дереву). Дружил драматург и с другими жителями села – псаломщиком местной церкви Иваном Зерновым, священником Антонием Херсонским...

Когда мы вошли в храм, Андрей Николаевич обратил наше внимание на резной богатый иконостас, настенную

Храм свт. Николая в с. Николо-Бережки

роспись. Пышное внутреннее убранство верхнего, летнего яруса производило сильное впечатление, но и озадачивало некоторой необычностью, каким-то перенасыщением внутренних элементов. Потом я понял, что эти ощущения возникли от незнания истории храма. Дело, конечно, не в излишествах, а в особом роде эклектике, причины которой уходят к екатерининской эпохе, к мировосприятию первых владельцев здешних поместий, их философско-религиозным и общественным взглядам.

Несколько слов о самом Андрее Николаевиче. Четверть века назад он начал работать реставратором в храме свт. Николая в Николо-Бережках, в помощниках у Валерия Константиновича Замышляева, подвижника русской культуры, духовного сына отца Дмитрия Дудко. Можно представить, в каких мощных культурных, духовных мирах и влияниях формировалась личность Ратникова. Сегодня он с его глубокими знаниями, тонким чувствованием края, местных храмов и их икон, росписей, а также всех особенностей творческой, бытовой и душевной жизни Александра Николаевича Островского в Щелькове готов делиться накопленным богатством, открытиями не только с паломниками-неофитами вроде нас, но и в почтенных аудиториях научных конференций. Его научные работы опубликованы в книгах.

Нельзя сказать, что его исследования отличаются тематическим разно-

образием, их притягательность в другом: они сфокусированы на интересующую автора проблематику, отвечают глубинным потребностям самого Андрея Николаевича и вбирают основательный запас культурно-исторических знаний ученого и – одновременно – благодарную генетическую память православного русского человека с его традициями и укладом жизни. В одном из исследований Ратников увлекательно рассказывает о храмах в окрестностях Щелькова, которые посещал или мог посещать А.Н. Островский, в другом разбирает образ «Церкви воинствующей» в исторической драме-хронике Александра Николаевича «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», в третьем рассматривает музыку Валерия Гаврилина, написанную к драмам Островского, как отнюдь не случайную, так как оба «работали в одной, общей для них системе ценностей, созданной русским духом». Потому-то творческие миры этих художников и стали, по мнению Ратникова, «бесценными украшениями мировой культуры». А после рассказанного Андреем Николаевичем мы еще не раз, вновь и вновь открывая для себя новое, обращались к его статье «Иконопись Никольского храма села Николо-Бережки в духовном странстве А.Н. Островского» и другим работам.

Этот изящный, похожий на корабль (образ Андрея Николаевича) храм был построен и освящен в конце восем-

Настоятель иерей Максим Рухтер

надцатого века по воле и на средства тогдашних владельцев Щелькова и окрестностей братьев Кутузовых, принадлежавших к одной из ветвей старинного и богатого рода (наш знаменитый полководец приходился им родственником по другой линии). Старший из братьев, Федор Михайлович, как раз в эти годы рождения Никольской церкви (она возводилась десять лет талантливым костромским зодчим Степаном Андреевичем Воротиловым) был предводителем костромского дворянства. Младший, Алексей Михайлович, отличился на другом, культурно-просветительском, поприще как известный писатель, переводчик. Именно ему – другу – А.Н. Радищев посвятил свое «Путешествие из Петербурга в Москву».

В одной из дореволюционных публикаций (журналиста С. Спира) содержалось интересное наблюдение: «Вся живопись и лепка представляют из себя редкую, может быть, единственную в русской церкви, смесь православия, католичества и масонства... Весь иконостас верхнего этажа в стиле рококо. Тут же наряду с иконописными произведениями итальянских мастеров есть старинные картины кинешемских живописцев. Есть и фигуры святых, как бы привезенные из польских костелов».

Не берусь судить, насколько правильно это суждение, особенно в той части, что касается «вольных каменщиков». Но дореволюционный ценитель

достоинств и особенностей храма все-таки допустил невольную ошибку. Он не мог предположить, что стараниями реставраторов и искусствоведов будет доказано: иконы писались не итальянцами, а местным, кинешемским, живописцем Филиппом Патракеевым, который, как считают специалисты, «не мог быть только исполнителем воли заказчика, он его единомышленник, постигший премудрость “соломоновых наук”», и писал под влиянием западных церковно-культурных традиций.

Каждый образ иконостаса многозначен. Великомученик Георгий Победоносец, например, схож с Петром Первым, а в облике Феодора Стратилата Ратников находит черты Федора Кутузова. Образ великомученицы Варвары вызывает в памяти Екатерину Вторую... Причем все эти иконы, замечает Андрей Николаевич, связаны с военной тематикой: Георгий Победоносец, как известно, покровитель русского воинства, а Ф.М. Кутузов – кавалер ордена Георгия Победоносца 4-й степени; Феодор Стратилат – тоже покровитель воинов и небесный покровитель Ф.М. Кутузова; Варвара – покровительница артиллерии в русском воинстве, одна из дочерей Ф.М. Кутузова получила имя этой святой...

Мы побывали, конечно, и в нижнем, зимнем этаже храма, где «сохранилось больше старины»: иконостас

с двумя Царскими вратами, точеными деревянными колоннами «под малахит», накладной деревянной резьбой, иконами-композициями на дверях и лепных рамах. Росписи на алтарной перегородке по штукатурке делались тем же местным самородком Филиппом Патракеевым... Ну а еще, и это главное, в нижней части церкви в июне 1886 года отец Антоний Херсонский совершил отпевание А.Н. Островского. Как пишет Ратников, «святые иконы Никольского храма провожали раба Божия Александра из мира земного в таинственный мир вечный...».

На прощание Андрей Николаевич подарил нам свою книгу «Стезя», вторым изданием выпущенную недавно издательством «Иваново», и небольшой живописный этюд. Оказывается, он еще поэт и художник! Под картинкой с домом и лесом в мягкой туманной дымке можно было бы поставить строки из Ратникова:

Есть счастье жить среди лесов,
Где чист еще России голос.

Он и живет здесь, у храма, среди лесов и близких ему по духу людей, чутко вслушивается и всматривается в окружающий мир. Перед основным корпусом стихов Андрей Николаевич рассказывает о Римме Семеновне Беликовой, искусной вышивальщице, чьими фантазиями украшен Никольский храм. Бабушке Римме готовы

платить большие деньги богатые люди, но она всем отказывает: ее душа и ее рукоделье принадлежат только храму. «Льняные полотенца изукрашены причудливыми узорами, обрамляющими восьмиконечный крест; сидят у креста, раскрыв крылья, небесные Райские птицы. Полотенцами украшаются храмовые иконы, а на полу перед аналоями лежат мохнатые коврики. <...> После окончания богослужения Римма Семеновна прибирает храм: моет полы, протирает иконы... Вот собрала она коврики в охапку и сама стала похожа на птицу: вышла на лужайку, трясет пестрые коврики – будто крыльями машет, летит над землей...».

Эту «сказку-быль» трудно воспринять иначе как своеобразный эпиграф, «код доступа» ко всей книге, как идеал и мечту самого Андрея Николаевича, его жизненное кредо.

Стихи одушевлены мотивами христианства, пронизаны небесным мажущим светом. Представая перед высшим судом, человек должен предъявить свою жизнь, ответить, ради чего он явился на землю, что хорошего сделал людям, каковы его искания и устремления. А сомнения и надежды всегда вместе.

Мы крестами встаем – дотянуться до неба бы:

В чистых синих озерах там омытые души цветут.

Иконостас верхнего храма

Филипп Патракеев, ок. 1794 г. Коронавание Божией Матери. Фрагмент иконостаса

История в стихах Андрея Ратникова неотлучна от деяний предков, с которыми у поэта всегдашняя кровная связь:

Небо крылом царапает птица.
И, расплескав вереницу веков,
Мы косяком входим в красное
Солнце,
Где стол накрыт для усталых
косцов...

Не на одной этой «высоковольтной» ноте сосредоточена мысль Ратникова. Он тонкий лирик, созерцатель, природа пробуждает у него заветные образы («Старуха-лиственница дремлет...», «За окном моим зреет рожь...», «Золотистый цветок зверобоя...»), поэтическая ткань насыщена философскими, а нередко и горькими раздумьями:

Мы вернулись не в город,
а в заброшенный склеп.
Тут дают нам на завтрак
отравленный хлеб.
Здесь вино – не вино,
а измены тоска,
здесь, как мертвые листья,
догнивают века.

Поэзия Андрея Ратникова давно получила признание. Он член регионального Союза писателей Санкт-Петербурга, печатается в различных журналах, его стихи положены на музыку. Как живописец Андрей Николаевич демонстрировал свои работы и у себя в Щелькове, и в Костроме, и в московском центре Савелия Ямщикова, в посольстве Аргентины и других выставочных залах. Его пейзажи («Никольская церковь», «Золотая осень», «Лунная ночь», «Шум берез», «Зимний апокриф», «Окрестности Плеса») славят волжскую природу, отражают тончайшие движения в зримом мире, наводят на размышления о смысле жизни.

...Мы распрощались с Андреем Николаевичем на пороге его крестьянского дома, а сами отправились на церковное кладбище, чтобы поклониться праху драматурга, его отца – Николая Федоровича, его жены – Марии Васильевны, его дочери – Марии Александровны Шателен. Теплый солнечный июньский день был в самом зените. Вокруг родового склепа Островских, возле храма и на деревенском кладбище, что поблизости, – всюду вошли в молодую силу трава и цветы, а умиротворенный воздух был пропитан ароматами медоносов.

Александр Островский, скоропостижно скончавшийся в Щелькове, видел свое последнее пристанище в Новодевичьем монастыре, рядом с могилой друга – Алексея Писемского. Однако брат драматурга нарушил его волю, распорядился похоронить усопшего возле отца, в Николо-Бережках, у храма свт. Николая. Михаил Николаевич, как рассказала нам экскурсовод Раиса, считал, что все Островские должны оказаться вместе.

Чем на самом деле руководствовался брат драматурга, царский министр, доподлинно неизвестно. Незадолго перед похоронами Островского состоялись прощания с Достоевским, а потом и с Тургеневым в Петербурге – с толпами народа, шествиями, венками, депутациями, речами! Владимир Лакшин в своей книге об Островском предположил: «Но, может быть, этого-то и не желал Михаил Николаевич, опасавшийся поставить себя в ложное положение участием в гражданской манифестации и отсоветовавший везти тело в Москву».

Сам Михаил Николаевич, сделавший, находясь на высоких постах, немало полезного для России, умер через пятнадцать лет после старшего брата и был похоронен не рядом с ним и с отцом, о чем поговаривал когда-то, а «по чину» – на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, в ряду с другими сановниками и выдающимися деятелями. Хотел ли он такой посмертной почести? Мог хотеть. Косвенно на это указывают некоторые свойства его характера, в частности тщеславие, тщательно скрываемая суетливость, склонность к интригам ради осуществления тайной мечты – получить более престижный пост министра внутренних дел, в то время как он был лишь министром государственных имуществ... Чем не претендент в герои драм своего брата! Но, конечно, Михаила Николаевича никак не могу представить в поэзии Андрея Ратни-

В жизнь вечную...

кова с ее духом этического максимализма, среди «чистых голосов России». Там другая иерархия, там выше всех министров – «бабушка Римма».

Андрей Ратников судит о факте захоронения великого православного писателя здесь, на костромской земле, где ему легко жилось и работалось, со своих позиций: «Сама среда, природа Щелькова не отпустила драматурга из своих недр...». Ему же принадлежат и такие слова: «...У могилы А.Н. Островского, у храма свт. Николая поток времени разбивается о незримую твердьню и отступает...».

Фото автора и из архива священника Максима Рихтера

СКРЕПЫ

*Грехом умерщвлена
душа твоя, возврати ее
к жизни слезами.*

*Преподобный
Ефрем Сирин*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

КАКАЯ ОНА, ДОРОГА К БОГУ?

<p><i>Протоиерей Артемий Владимиров – Павел Демидов</i> Мы живем в особенное время . . . . . 2</p> <p><i>Валентин Курбатов</i> Каждый век диктует свои дороги . . . . . 6</p> <p><i>Лариса Беляева</i> Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста . . . . . 8</p> <p><u>ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ</u></p> <p><i>Протоиерей Мирослав Вахата</i> «Душу свою за друзей своих» . . . . . 10</p> <p><i>Юлия Антипина</i> Две сестры . . . . . 12</p> <p><u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u></p> <p><i>А. Лохова</i> Животворящий крест: пурехская легенда . . . . . 16</p> <p><i>Тамара Воронцова</i> Легенды не умирают . . . . . 17</p> <p><i>Архивариус</i> Лишь в красоте души спасенье . . . . . 18</p> <p><i>Лариса Беляева</i> Почувствовать руку Божию и принять ее . . . . . 20</p>	<p>21</p> <p>21</p> <p>22</p> <p>23</p> <p>23</p> <p>23</p> <p>27</p> <p>31</p> <p>35</p>	<p>А начинали с автомобильных покрышек . . . . . 21</p> <p>«Аще не была крещена...» . . . . . 21</p> <p><i>Протоиерей Андрей Ткачев</i> <i>Страница отца Андрея. Пока светят лампы</i> . . . . . 22</p> <p><u>СТРАНА КРАСОК</u></p> <p><i>Екатерина Данилова (Холдина)</i> Сквозь призму Русской Голгофы . . . . . 23</p> <p><i>Жанна Васильева</i> Памяти художника . . . . . 23</p> <p><i>Юрий Кублановский</i> Преемник Дионисия . . . . . 23</p> <p><u>СТРАНА СЛОВ</u></p> <p><i>Монах Лазарь (Афанасьев) – Дмитрий Шеваров</i> <i>Беседы о русской словесности.</i> Иван Козлов: слепые глаза и зрячая душа . . . . . 27</p> <p><u>МИР ВОКРУГ НАС</u></p> <p><i>Антонина Арендаренко</i> Как не затеряться в этом мире . . . . . 31</p> <p><i>Валерий Лысенко</i> «Есть счастье жить среди лесов...» . . . . . 35</p>
---	---	---

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине
lampada-press.ru**

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка,
распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Вознесенский собор
Крестовоздвиженского Иерусалим-
ского ставропигиального женского
монастыря. Домодедово. Фото Ва-
дима Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 20.01.2015

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 850 экз. Заказ № 703
© Лампада, 2014

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА

ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно

на нашем сайте lampada-press.ru

или на сайте храма www.znamenie-hovrino.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

**НА 2015 ГОД ВЫПИСАТЬ «ЛАМПАДУ» МОЖНО
ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ**

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всех святых во Всехсвятском
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Преображения Господня в Тушине
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хорошеве	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хохлах	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	Воскресения Христова в Кадашах
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
царевича Димитрия при Голицынской больнице	прп. Сергия Радонежского
Троицы Живоначальной в Останкине	в Крапивниках
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	

ISSN 2225-0271

